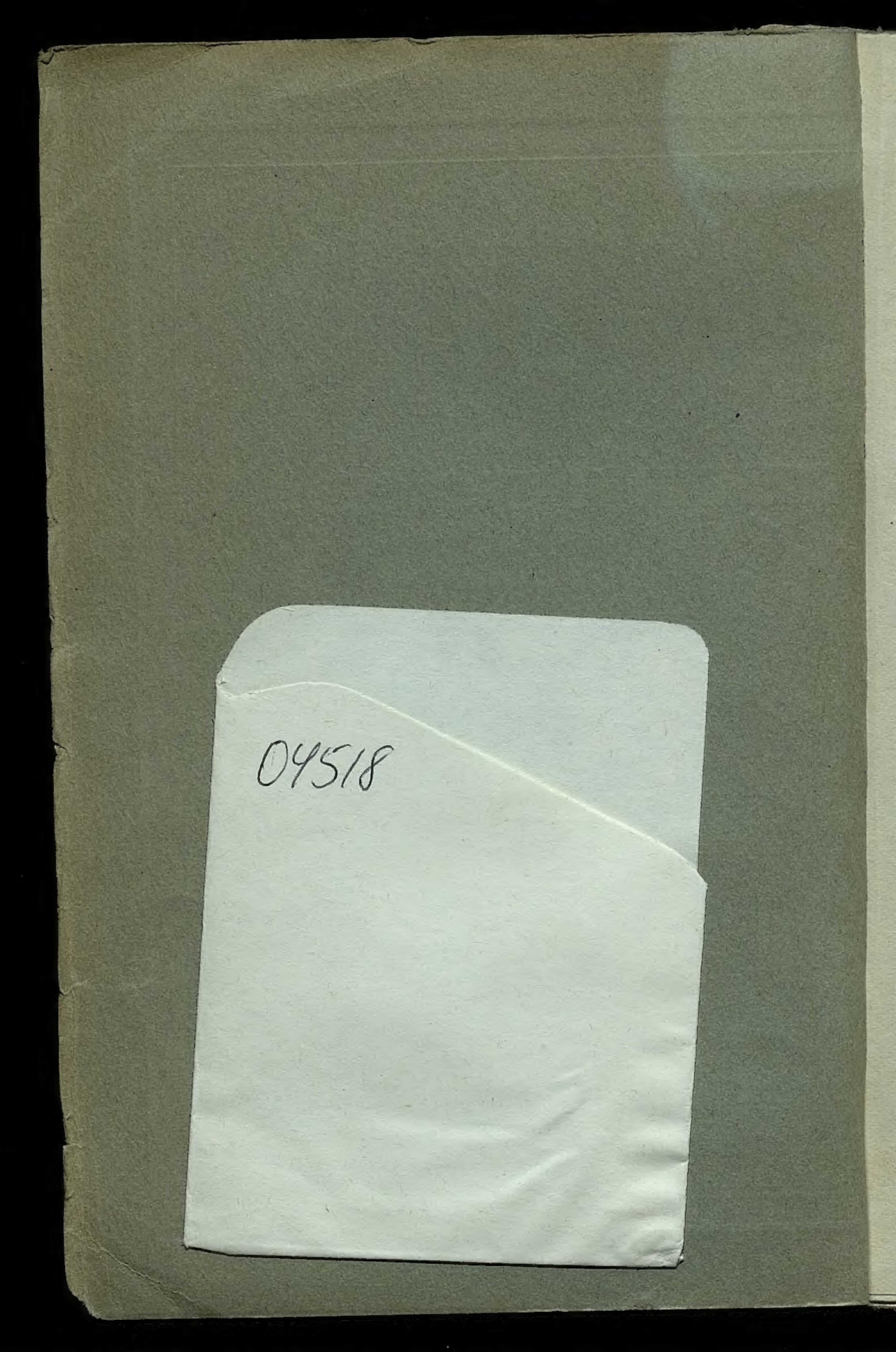
Г. А. СОЛОМОН

ЛЕНИН И ЕГО СЕМЬЯ

(Ульяновы)

ПАРИЖ MCMXXXI

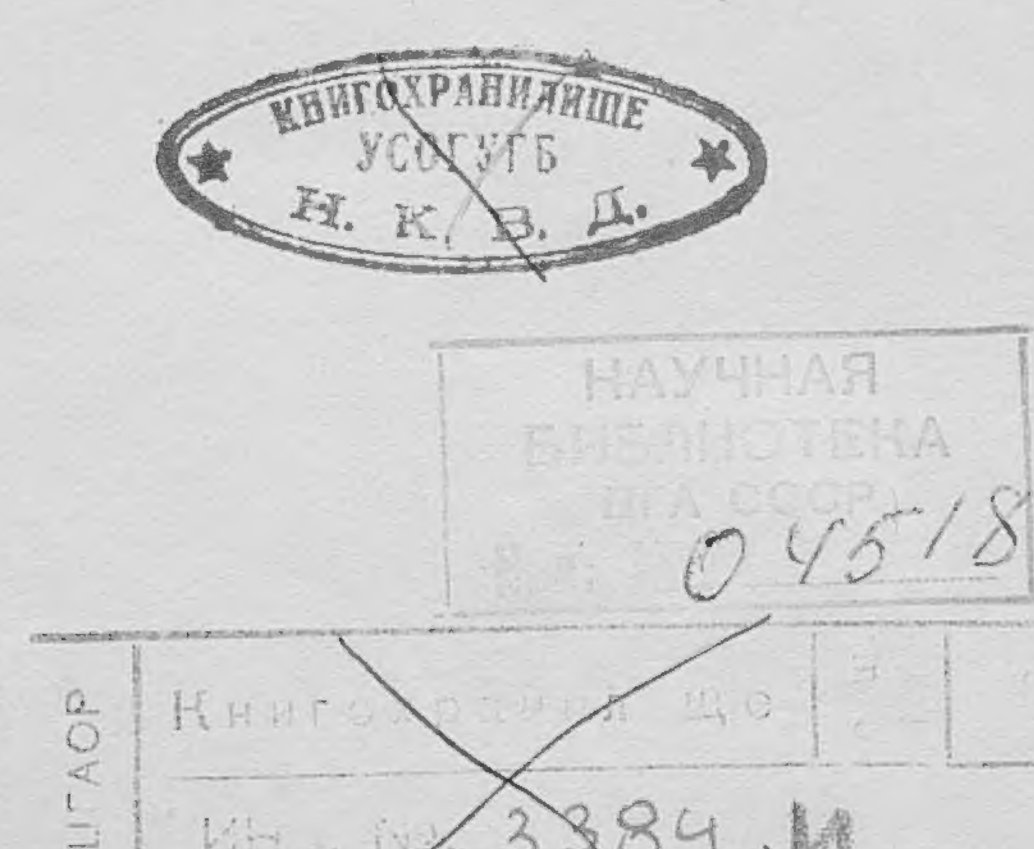
Г. А. СОЛОМОН – ЛЕНИН И ЕГО СЕМЬЯ

04518

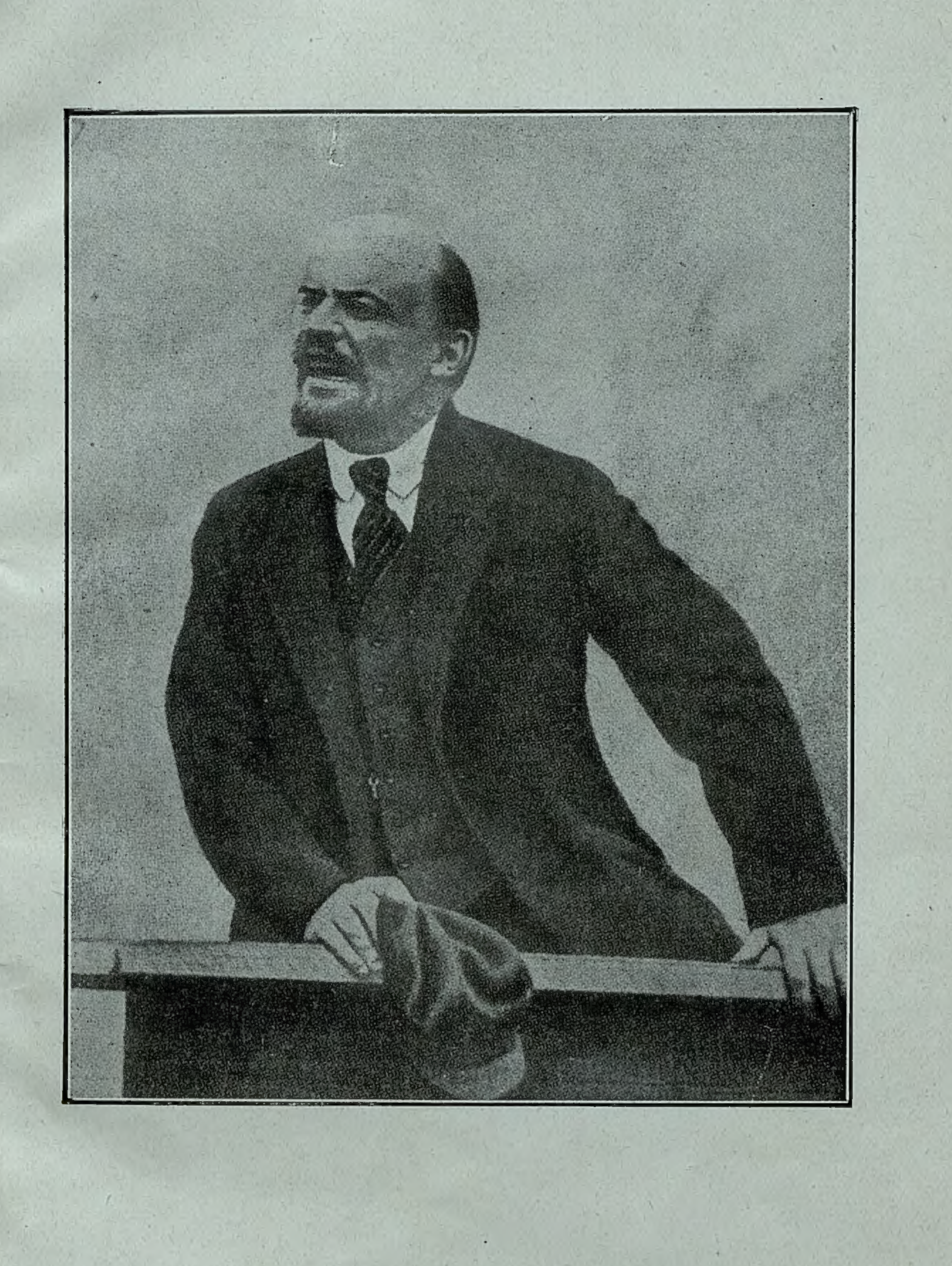
Г. А. СОЛОМОН

ЛЕНИН И ЕГО СЕМЬЯ

(Ульяновы)

ПАРИЖ MCMXXXI

Impr mer e
: : des ; :
Travailleurs
Intellectuels
9-bis, rue Bellot
Paris - 19'

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.

Первое знакомство с семьей Ульяновых в Москве.

В конце декабря 1898 года я проездом остановился на несколько часов в Москве. Я ехал из Иркутска, откуда меня по службе перевели в Москву. Служил я в государственном контроле Забайкальской ж. д., откуда и был назначен в контроль Московско-Курской ж. д. Семья моя находилась в Петербурге, и я спешил к ней на рождество, чтобы затем вместе выехать в Москву.

В Иркутске я близко сошелся с д-ром Яковом Максимовичем Ляховским, сосланным в Верхоленск и прожившим довольно долго, в ожидании этапа, в Иркутске. Он был сослан по одному делу с Владимиром Ильичем Ульяновым*). Ляховский был не только близким товарищем Ульянова по революционной работе, но и большим другом всей его семьи. Ляховский, находившийся в то время в Верхоленске, узнав о моем переезде в Москву, настоятельно просил меня познакомиться с Ульяновыми, дал мне

---

*) **В. И. Ульянов**, широко известный под псевдонимом **"Ленин"**, был арестован в декабре 1896 г. в СПБурге вместе со своими товарищами (Г. М. Кржижановским, Я. М. Ляховским, покойным Н. Е. Федосеевым и др.) по делу "Петербургского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса" и сослан на пять лет в Минуссинск. Это было первое соціаль-демократическое дело в России, и вся эта группа ссыльных, в Сибири была известна под кличкой "декабристов". — **Автор.**

письмо к ним и несколько поручений революционного характера.

Ульяновы жили в то время на Собачьей площадке, кажется, дом № 6. Меня приняла Анна Ильинична, сестра Ленина, по мужу Елизарова. Это была молодая дама лет тридцати-пяти, с очень некрасивым лицом, каким-то тусклым и как бы серым, с глазами монгольского разреза, также как и у Ленина. Но вместе с тем лицо ее было полно выражения глубокой одухотворенности и сильного, прямо недюжинного ума. Хорошо воспитанная, со сдержанными манерами настоящей светской женщины, Анна Ильинична при близком знакомстве производила почти чарующее впечатление и была, когда хотела, приятной и интересной собеседницей, чему много способствовала ее естественное остроумие. Но очень часто от нее веяло каким то жизненным холодом и семейственным эгоизмом, который многих отталкивал от нее.

Я исполнил поручение Ляховского, и в этот-же первый визит мы очень сошлись с семьей Ульяновых. Наше знакомство в дальнейшем перешло в дружбу. Особенно близко сошелся я с покойным Марком Тимофеевичем Елизаровым, мужемъ Анны Ильиничны, о котором я с теплотой упоминаю в моих воспоминаниях "Среди Красных Вождей".*)

---

*) **Г. А. Соломон:** "Среди Красных Вождей". Личные воспоминания о пережитом и виденном на советской службе. В двух частях. Париж, 1930. Изд. "Мишень".

ГЛАВА 1-ая.

Конструирование российской соц.-демократической рабочей партии. — Эмбриональный период Партии. — "Союзы". — "Кустарничество". — Поручение перевезти партию "нелегальщины" в Москву. — Известие о смерти матери Ленина. — "Венок" на могилу умершей. — М. А. Ульянова жива, и моя встреча с покойницей и А. И. Елизаровой.

В Петербурге, где у меня были революционные, социаль-демократические связи, я пробыл около трех недель. Это был интересный момент конструирования рос. соц.-демократической рабочей партии. Партии еще не существовало, и шла работа по ее организации. В революционно-настроенных группах и кружках намечалось все расширявшееся революционно - социалистическое движение, делившееся на два русла. С одной стороны группировались старые, частью реформированные народническо-социалистические силы, с другой собирались и приступали к работе по самоорганизации и по непосредственной революционной работе среди пролетариата социалисты-марксисты.

Между теми и другими шли горячие споры. Каждая группа яростно отстаивала свои положения и свое право

вести революционную работу на намеченных позициях. Шла энергичная, все расширяющаяся борьба.

Я не имею ввиду писать историю русских социалистических партий во всем ее об'еме. Это громадная работа, которая еще ждет своего исследователя. Я намечаю лишь некоторые исторические вехи и лишь постолько, поскольку это необходимо для основной цели намеченной мною темы. И потому я перехожу к вопросу конструирования росийской соц.-демократической рабочей партии.

Эмбрионально - организационное ядро этой партии находилось за-рубежомъ. Там работали такие могикане соц.-демократии, как Плеханов, Вера Засулич, П. Аксельрод и др. В России же апостолами - теоретиками этого учения являлись П. Струве с его подголоском М. Туган-Бароновским, постепенно скатывавшиеся со своих начальных позиций. В практическом же отношении выделялась фигура покойнаго Ю. О. Мартова (Цедербаума), талантливо и самоотверженно работавшего на почве непосредственной революционной деятельности...

Партии, как таковой еще не было. Это была эпоха эмбриона ее, носившего название "Союз борьбы за освобождение рабочего класса". И внутри-российским аппаратом этого течения были местные союзы, — например — "Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса", "Московский...", "Киевский..." и т. д. Меня захватило это течение, и я примкнул к нему. Дело, повторяю, было еще в зачаточном состоянии. Преобладала система, известная под презрительнымъ названием "кустарничества". Да оно и было так. Отдельные марксистки-настроенные лица, главным образом, представители учащейся молодежи и вообще молодежь, на свой страх и риск, заводили конспиративные связи среди рабочих, соединялись с такими же одиночками, образовывали собой местный

“Союз борьбы”, вели посильную пропаганду среди рабочих, группировали их в кружки и, как правило, эти организации быстротечно кончали свои дни арестами и ссылками. У этих “борьбистов” сильно хромала конспирация, в организации легко втирались и просто болтливые элементы, а часто и провокаторы, особенно в дальнейшем, в эпоху “зубатовщины”. И эпоха “союзов” отличалась тем, что такие организованные центры быстро захватывались полицией и в том или ином городе после провала обычно наступало на некоторое время мертвое затишье.

В Петербурге у меня были старые связи, и, не примкнув организованно к работе “Петербургского Союза”, я сразу же стал работать в нем гастрольно. Между прочим петербургские товарищи должны были переслать, сравнительно (по тогдашнему масштабу), значительную партию “нелегальщины” Московскому Союзу. При отсутствии хорошей организации эта операция представляла собою большую задачу. Я предложил свои услуги, так как по своей должности в контроле Московско-Курской ж. д., куда я был назначен из Иркутска, я пользовался безплатным проездом в первом классе и таким образом имел возможность, в качестве должностного лица безопасно провезти с собою эту литературу.

Но еще раз напомню, что организационные связи были так слабо налажены, что в Петербурге мне не могли указать точного адреса, по которому я должен был сдать партию. Таким образом мы условились, что петербуржцы уведомят кого то из весьма законспирированных московских товарищей, который и должен был явиться ко мне за литературой, сказав мне известный пароль. Я состоял под негласным надзором полиции и потому мы условились, что за литературой явятся немедленно по моем приезде в Москву, так как мне было небезопасно хранить ее у себя.

Я уехал из Петербурга в Москву один, переезд же моей жены с дочерью был отсрочен до весны. Конспирации ради я облекся для дороги в контрольную форму — тужурку и шаровары с высокими сапогами. В то время до известной степени считалось шиком носить очень широкие шаровары, сильно свисавшие надъ высокими сапогами, как бы вроде двух юбочек. Я решил перевезти литературу на себе, чтобы не подвергаться риску, если бы я ее сдал в багаж. Литературы было около пуда. Она состояла из массы маленьких брошюр, увязанных в небольшие пакеты. Я всю ее уложил в свои шаровары. Моя невестка, сестра моей жены, известная под партийной кличкой, данной ей Лениным, "Лиза красивая", явилась перед моим от'ездом помочь мне уложить литературу и произвести "инспекторский" смотр с точки зрения конспиративности... И жена и Лиза осмотрели меня и нашли, что я имею вид самого настоящего фата-контролера и что никому в голову не прийдет заподозрить во мне "нигилиста"...

Приехав в Москву, я, согласно условию с питерцами, немедленно же снял себе комнату и телеграфно сообщил жене мой адрес. На другой день я получил от нее условленную телеграмму, которая должна была означать, что получатель литературы явится ко мне по моему адресу на третий день с установленным паролем, по пред'явлении которого я передам ему литературу. Надо упомянуть, что в Петербурге у нас было условлено все до последней мелочи и что ко мне должна была явиться одна девица, которую я не зналъ и которая должна была назваться (нарочитый псевдоним) "Сумцовой" и установить свою личность ввернутыми в нейтральный разговор следующими словами: "я могу вас успокоить: жизнь Пети вне опасности". Пароль этот был не совсем абстрактный: Петей мы называли шафера на нашей свадьбе, Петра Гермогеновича

Смидовича, незадолго передъ тем эмигрировавшаго въ Англию*). Все, повторяю, было разработано до последней детали еще в Петербурге и, казалось бы, что все должно бы было пройти совершенно гладко.

Надо упомянуть, что накануне моего от'езда из Петербурга из пришедшего номера "Русских Ведомостей" мы узнали, что скончалась Мария Александровна Ульянова (мать Ленина), что вынос тела в такую то церковь и похороны состоятся в самый день моего приезда в Москву. Ко мне в Петербурге пришла наша старая приятельница Любовь Николаевна Радченко (в настоящее время жена известного меньшевика Ф. И. Дана) и принесла мне деньги с поручением купить и возложить на гроб умершей венок.

Поэтому я, тотчас же после того, как снял в Москве комнату, поспешил к Ульяновым. Час, назначенный для выноса тела в церковь, прошел. Я был в Москве совсем новый человек, не знал, где надо купить венок, поэтому я решил поехать на квартиру Ульяновых, узнать там, где находится церковь и затем купить венок и пр.

Под'ехав на извозчике к воротам дома, где жили Ульяновы и проходя через двор к их квартире, я был удивлен, не видя никаких следов похоронных аксессуаров, вроде ветвей елей. Я поднялся во второй этаж. Было около десяти часов утра. Никаких следов состоявшагося выноса тела... Я позвонил... Мне открыла сама Мария Александровна. От неожиданности я раскрыл рот, и у меня, повидимому, стало очень глупое выражение лица, потому что М. А. засмеялась.

— Что, Георгий Александрович, — сказала старушка,

---

*) В настоящее время П. Г. Смидович играет в Москве, в советском правительстве, весьма выдающуюся роль. — **Авторъ.**

— верно, вы тоже явились на похороны?.. Как видите, я еще жива, входите, пожалуйста... это умерла моя однофамилица, которую тоже зовут Мария Александровна, царствие ей небесное...

Появилась и Анна Ильинична. У нее было строгое и сердитое выражение лица. Она безумно, до самозабвения любила свою мать, и это совпадение произвело на нее самое удручающее впечатление.

— Знаете, — сказала она, когда М. А. вышла изъ столовой, служившей им гостинной, — это такая гадость эта ошибка... ведь знаете, нас засыпали отовсюду телеграммами, письмами... вчера многие приезжали с венками... Я так зла... Ведь, подумайте, какое удручающее впечатление это должно было производить на бедную мамочку... вся эта нелепая шумиха...

ГЛАВА 2-ая.

Я с "нелегальщиной" в Москве. — Полная путанница. — "Нелегальщина" хранится у меня. — Филеры. — Об'яснение с А. И. Елизаровой раз'ясняет все.

Я ждал девицы, которая должна была притти за нелегальщиной. Но дни шли. Никто не являлся, а между тем, тотчас же после прописки моего паспорта в участке я заметил, что за мной следят филеры... А мне некуда было девать мою нелегальщину и в случае чего я рисковал по тогдашним временам здорово "засыпаться" с поличным... Я условно написал жене о моих затруднениях. Получил от нее ответ, что питерцы стараются выправить это дело. Надо было ждать.

Моя покойная сестра В. А. Тихвинская, жившая тогда в Петербурге, в бытность мою там, просила меня познакомиться в Москве с ее старинным приятелем и товарищем по студенческой жизни в Швейцарии, кн. Г. Г. Кугушевым, которого она мне аттестовала, как активного марксиста. Я отправился к нему. От него я узнал, что в Москве после последнего провала идет страшная слежка и что московские сыщики — мастера своего дела... Я не решился доверить ему моего секрета, и должен был продолжать хранить литературу у себя в весьма ненадежном месте... Прошло около двух недель...

Обещанных раз'яснений из Питера не приходило. Я

решил повидаться с Анной Ильиничной и постараться осторожно выведать у нее, не знает ли она чего нибудь об этой литературе. В Петербурге меня предупредили, что у Ульяновых нельзя ни с кем, кроме А. И., говорить о революционных делах, ибо Мария Александровна, старший сын которой Александр был повешен за покушение на жизнь Александра III*), так боится за остальных детей, что всякое упоминание при ней о революционных делах ее приводит в тяжелое нервное состояние. А к тому же в это время ее третий сын Димитрий, студент-медик сидел в Таганке, Ленин находился в ссылке в Минусинске... Все это тяжело ложилось на старушку. И вся семья старалась всячески отвлекать ее от печальных мыслей и делала все, чтобы по возможности развлекать ее.

Я попал к Ульяновым очень удачно: М. А. с младшей дочерью собирались в театр, и мы таким образом остались вдвоем с А. И. Впрочем, не совсем, так как дома оставался и ее муж. Но покойный Марк Тимофеевич, очень умный и достойный во всех отношениях человек, был в семье Ульяновых, где царила А. И., в крайнем загоне.

Я начал с ней дипломатический разговор. Прямо я, конспирации ради, не мог ее спросить, не слыхала ли она чего нибудь о том, что московские товарищи ждут литературу... Анна Ильинична была умная женщина и большая, очень сдержанная конспираторша, хорошо владевшая собою. Но я заметил, что она была чем-то встревожена, хотя и умело скрывала это...

— Ну, как вам нравится Москва, освоились вы уже с нею? — спросила между прочим она, — завели знакомства?

---

*) Дело о покушении 1-го марта 1887 года. — Автор.

— Да трудно в Москве, Анна Ильинична, как то я совсем растерялся в ней, — неопределенно отвечал я, — надо привыкать.

— Да, конечно, Москва не Питер, у нее своя особенная физиономия... но вы увидите, что привыкнете к ней и полюбите ее...

— Будем надеяться, а пока что приходится очень тяжело...

— Может быть, я могу вам чем нибудь помочь, скажите? — настороженно предложила она.

— Не знаю, боюсь, что нет... дело такое... касается...

Испугавшись, что мы подошли слишком близко к цели моего визита, я замялся и оборвав фразу, перешел на другую тему. Но тут Анна Ильинична безцеремонно выслала своего мужа из столовой.

— Марк, у тебя кажется спешная работа, ты не стесняйся Георгия Александровича, иди к себе... — довольно резко сказала она.

М. Т. грузно поднялся и, угловато извинившись, пошел к себе...

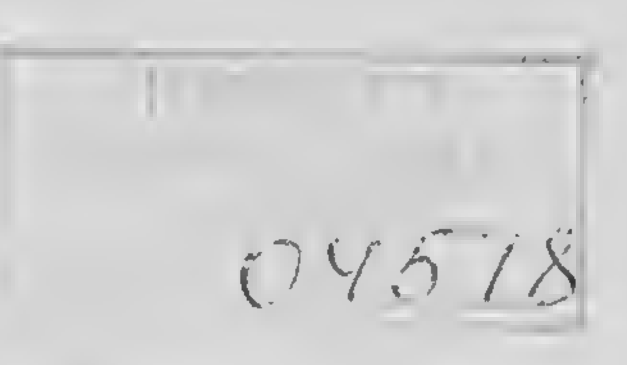
— Я возвращаюсь к моему предложению вам помочь, — продолжала Анна Ильинична, — если, конечно, я могу...

Я почувствовал в этом вопросе скрытую под тоном светской любезности, большую тревогу.

— Да видите-ли, Анна Ильинична, не знаю, как и сказать, право, — —отвечал я, стараясь говорить дипломатически. — Я вот уже около двух недель жду известия об одном моем старом друге... моем шафере и очень боюсь, что он серьезно болен...

— Что же он не здесь, не в Москве? — тихо спросила она, пытливо глядя мне в глаза.

— Нет, он в Англии, — сказал я, — он был серьезно болен... боюсь, не опасно ли?..

— Ну, зачем так мрачно думать — быстро ответила она — "pas de nouvelles, bonnes nouvelles", и я надеюсь, что "**он вне опасности**".

— Вы в этом уверены? — живо спросил я ее, видя, что мы уже почти договорились до установленного пароля.

— Уф, — с облегчением вздохнула она и, бросив конспирацию, прямо спросила меня, — так это вы? Господи, как напутали ваши питерцы... Ну, теперь все ясно... Я могу вам сказать, что псевдоним "Сумцова" должна была передать вам пароль: "Петя вне опасности" и она и по сейчас, благодаря тому, что питерцы переконспировали, с тревогой ждет вас у себя по данному ею питерцам адресу, ничего не понимая...

— Да, позвольте, Анна Ильинична, не она меня должна ждать, а я должен ждать ее у себя и жду уже более двух недель... Какое безобразие!..

Все раз'яснилось. Оказалось, что действительно питерцы переконспирировали, запутав ясное само по себе дело, плохо поняв какое то зашифрованное письмо...

— Я в курсе этого дела — сказала Анна Ильинична. — Теперь вопрос о "Сумцовой" отпадает. Не согласитесь ли вы, Георгий Александрович, закончить это навязшее у вас в зубах дело и свезти литературу по адресу, который я вам укажу... Вы понимаете, что за нами очень следят из за ареста Мити.

Конечно, семья Ульяновых была очень на виду у полиции, и, если бы кто нибудь из них взялся закончить это дело, это могло грозить провалом. Но и за мной тоже следили и само собою мое знакомство с Ульяновыми не могло остаться незамеченным филерами. Но было благоразумнее во всех отношениях, если я лично закончу это

"опасное" дело, не впутывая в негс новых лиц. Поэтому я согласился.

— Спасибо, Георгий Александрович, — просто сказала Анна Ильинична, — вы меня очень выручаете... я так боюсь за мамочку, боюсь, что, если бы случилось что нибудь с кем либо из нас, она просто не пережила бы этого... Право, вы очень великодушны... ведь вы тоже рискуете, — спохватилась она.

— Ничего, Анна Ильинична, — поторопился успокоить я, — авось, как нибудь мне удастся обмануть шпиков... Куда я должен отвезти? Это место неподозрительное, чистое?

— О, да, никаких подозрений...

Мы условились, что я явлюсь в указанное место, где меня будут ждать и где я сдам литературу, сказав, как пароль — "я вам передаю привет от Тяпкиной".

— К вам выйдет Анна Егоровна Серебрякова — сказала Анна Ильинична, — это наша близкая приятельница, которая часто бывает у нас. Я ее предупрежу, и все пройдет гладко. И кстати, вам будет интересно и небезполезно познакомиться с ее семьей. Это старая революционерка, народоволка "из славной стан", Желябова, Перовской, Кибальчича, с которыми всеми она была очень дружна. Она сама избегла едва-едва той же участи... Теперь она отошла уже давно от революции и занимается исключительно литературой, в качестве переводчицы... И теперь она чиста от всяких подозрений у полиции, так что это очень надежное место для хранения нелегальщины и для всяких конспиративных сношений... Живет она на Смоленском бульваре... Но, конечно, я даю ее адрес лишь людям вполне надежным и опытным.

И она подробно рассказала мне, как надо туда проехать и пр. подробности.

ГЛАВА 3-ья.

Я везу литературу к А. Е. Серебряковой. — Оказалось, что я попал в самую геену предательства. — А. Е. Серебрякова — знаменитая старая предательница, разоблаченная В. Л. Бурцевым. — Суд над ней в советской Москве. — Расстрел, замененный смягчением участи, в виду дряхлости. — Рука Серебряковой в деле моего ареста и "дело 1-го марта 1901-го года".

Я считаю полезным остановиться ненадолго на имени А. Е. Серебряковой, одной из весьма зловещих фигур российского революционного движения. Имя это принадлежит истории. Но, увы, история запечатлела ее имя, не включив его в пантеон славной и вечной памяти героев народовольцев, но пригвоздив к позорному столбу наряду с Иудой, как старого и ловкого провокатора и предателя, долго, чуть не целые десятилетия ведшего свою инфернальную работу...

В. Л. Бурцев, которому принадлежит печальная честь расшифрования истинной роли многих предателей и провокаторов, сорвал несколько лет назад маску с этой роковой женщины, пользовавшейся большим престижем в глазах многих поколений российских революционеров. Не так давно ее судили в Москве, как об этом сообщали русские газеты. Перед судом предстала дряхлая, слепая, перешедшая уже за восемьдесят лет старуха... Она не отрицала, а спокойно, деловым тоном подтверждала все

пункты пред'явленных к ней обвинений... И суд, советский суд, вынес по истине достойный высокого понимания своей задачи мудрый приговор: он приговорил ее к смертной казни, но заменил ее дарованием ей жизни, мотивируя эту милость ее дряхлостью...

Только недавно, к моему запоздалому ужасу, я узнал из разоблачений В. Л. Бурцева (он лично рассказал мне подробности) об истинной роли Серебряковой. Но в описываемое время, собираясь к ней и принимая ряд необходимых конспиративных предосторожностей, чтобы обмануть сыщиков всеми обычными в таких случаях приемами, я не имел, конечно и тени подозрения, что отправляюсь с поличным в самую геену предательства... Само-собою все прошло вполне благополучно. Я сдал литературу и облегченно вздохнул. Серебрякова приняла меня прямо с распростертыми об'ятиями, оставила меня у себя ужинать и просила бывать. И я сидел в ее уютном рабочем кабинете, и она рассказывала мне о своих отношениях с героями народовольческой борьбы, о Желябове, Перовской, Михайлове и др., в судьбе которых она с'играла такую проклятую роль. Она была интересная по всему виденному женщина, остроумная собеседница и хорошая рассказчица. У нас нашлись с ней общие приятели и друзья из старых народовольцев... Я бывал у них, и хотя дружественных отношений у нас с нею не было, но установились очень приличные отношения знакомства. Я часто встречал ее у Ульяновых, которых она навещала, как друг дома, из за старушки Марии Александровны, с которой, также, как и Анной Ильиничной она была очень дружна... Лишь теперь, после разоблачений Бурцева, я догадался, что в моем аресте в Москве 1-го марта 1901-го г., когда по одному делу со мной были арестованы Мария Ильинична Ульянова и М. Т. Елизаров, играла предательскую и провока-

ционную роль и Серебрякова. Я сужу по той осведомленности жандармов, которая обнаружилась при допросах*).

---

*) По этому делу, которое жандармы, для шика, называли "делом 1-го марта 1901 года", намекая этим на его важность, было арестовано более 30 человек и по существу оно являлось делом "по ликвидации Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса". В числе арестованных были П. В. Луначарский (брат Анатолия), его жена С. Н. Луначарская (ныне жена упомянутого выше Смидовича), В. Я Исакович, М. И. Ульянова, М. Т. Елизаров, А. Р. Гоц (находящийся в руках большевиков), один из Висоцких, моя первая жена М. Н. Соломон и я. Остальных привлеченных к этому делу я не знаю, или не помню. По некоторым данным я предполагаю, что два крупных предателя приложили свои руки к этим арестам: Азеф и Серебрякова. С Гоцем и Висоцким я не имел никаких сношений и лишь едва знал их, как товарищей молодого И. И. Фунадаминского (Бунакова), которого я знал, как талантливого мальчика-школьника, как брата Матвея Исидоровича Ф-го и его сестер, с которыми я находился много лет назад в теплых дружественных отношениях (не революционных). Серебрякова находилась в сношениях с марксистами, Азеф же, как известно, был видным членом партии соц.-революционеров, к которой принадлежали и Гоц и Висоцкий и некоторые другие, имена которых я забыл. Вот поэтому я и предполагаю, что Гоца, Висоцкого и др. соц.-революционеров предал Азеф, а остальных арестованных, принадлежавших к марксистам — Серебрякова. А охранное отделение (во главе его стоял тогда знаменитый Зубатов) уже старалось сворганить из всех арестованных 1-го марта одно общее дело в интересах, очевидно, выслуги. Мои товарищи по революционной работе были, за исключением тогда еще очень молодой М. И. Уль-вой, привлеченной, надо полагать, по недоразумению, также, как и Елизаров, ибо мы с обоими ими никаких революционных дел не вели, состоя лишь просто знакомыми, — были все люди, уже вышедшие из периода молодости, все стреляные воробьи, не пугливые и осторожные в своих показаниях и потому не запутавшие друг-друга. Жандармам так и не удалось создать "дела" и все ограничилось довольно продолжительным предварительным заключением и "дело" года через два было совсем прекращено. — Автор.

ГЛАВА 4-ая.

Дружба с Ульяновыми. — М. А. Ульянова. — Дело и казнь старшего сына Александра. — Мать и ее горе. — Культ матери в семье Ульяновых. — Анна Ильинична во главе этого культа. — Анна Ильинична и Марк Тимофеевич Елизаровы. — Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы. — Характеристика их Лениным. — Ленин и его мать.

Я уже говорил, что между Ульяновыми и мною установилась дружба, которая продолжалась около двух лет. Но после освобождения из тюрьмы Дмитрия Ульянова, которому было запрещено жительство в столицах, Ульяновы переехали в г. Подольск, в 40 верстах от Москвы. Я частенько приезжал и гащивал у них. Затем в наших отношениях наступило известное охлаждение: моя жена и Анна Ильинична, по характеру женщина очень властная, в чем то не поладили... И хотя мы видались с ними, но близость постепенно стала исчезать и знакомство совсем оборвалось после нашего ареста (1901 г.), когда по освобождении нас из тюрьмы мы с женой должны были уехать из Москвы и нам было запрещено пребывание и в'езд в обе столицы...

Все семейство Ульяновых еще до тех пор, пока В. И. Ульянов (Ленин) не стал еще играть видной роли в российском революционном движении, пользовалось в ради-

кально-революционных и просто либеральных кругах общества большой известностью и даже престижем. Причиною этого была трагическая смерть погибшего на виселице в юном возрасте талантливого (по словам некоторых близко знавших его, даже гениального) Александра Ильича Ульянова*), которого считали душою всего этого дела. Все пять человек заговорщиков были приговорены к повешению.

Эта смерть старшего и самого любимого сына во цвете лет и таланта произвела на его мать, по рассказам того же Елизарова (с остальными членами семьи Ульяновых я, конечно, никогда не говорил об этой семейной трагедии), потрясающее впечатление, которое нисколько не притупилось с годами. Узнав о приговоре, Мария Александровна, сдержав себя могучим усилием материнской любви, обуреваемая одной мыслью спасти сына, бросилась хлопотать. Она имела силу и мужество при свиданиях с сыном обнадеживать его. Но это был мужественный человек и самоотверженный революционер. И начиная это де-

---

*) 1-го марта 1887 г., как известно состоялось неудачное покушение на императора Александра III. Заговорщики были схвачены (благодаря распорядительности известного генерала Грессера, получившего сведения о готовящемся покушении загодя и направившего царя по другому пути), не успев приступить к своему намерению. Их было пять человек, студенты Ульянов, Генералов, Шевырев, Остапов и Андреюшкин. Я был в то время гимназистом Ларинской гимназии (СПетербург) и случайно познакомился с Генераловым (не помню по какому поводу, но не имел ни малейшего понятия о том, что он состоит в заговоре). У него я видел мельком и А. Ульянова. Впоследствие уже от М. Т. Елизарова я узнал, что он был близким товарищем и другом привлеченных по этому делу пяти студентов и что только по счастливой случайности он не был арестован. В этой группе заговорщиков А. Ульянов считался душой всего дела, исполняя ту же роль, какую играл в убийстве Александра II гениальный Кибальчич. — Автор.

ло, он заранее знал, на что он идет. И свою судьбу он принял просто и без жалоб. Несмотря на просьбы и мольбы матери, он категорически отказался, так же как и все его товарищи, от подачи прошения царю о помиловании. А между тем матери власти заявили, что жизнь его будет спасена, если он подаст это прошение. Все старания, все униженные мольбы матери о пощаде были отвергнуты.

День казни был назначен. Несчастная мать держалась бодро. Она имела мужество испросить последнее свидание с сыном. И это ужасное свидание состоялось накануне казни. Оно продолжалось всего полчаса. Она сделала еще попытку сломить упорство сына. Он остался тверд до последней минуты.

Она ушла со свидания, ушла без слез, без жалоб. И в ту же ночь она сразу вся поседела. Долгое заболевание, почти безумие овладело ею. Анна Ильинична ухаживала за матерью как за своим ребенком... Она оправилась. Но пережитое наложило на всю ее жизнь свою тяжелую руку и совершенно изменило всю ее природу. Она вся ушла в свое горе.

Холодная и суровая по внешности, но на самом деле глубоко нежная по душе, Анна Ильинична с этой минуты стала нянькой, или, вернее, матерью своей матери и осталась ею до конца жизни Марии Александровны. Она открыла для нее и только для нее все глубокие тайники своей души. Решительная и властная, она окружила старушку своей исключительной нежностью и того же она требовала от остальных членов семьи, которая вся жила одним стремлением как нибудь не обезпокоить старушку, отвлечь, развлечь ее... Даже и сам Ленин поддавался этому настроению культа матери и, находясь в ссылке, а затем заграницей в качестве эмигранта, он писал матери нежные (столь не похожие на него) письма. И в разговоре со мной,

в Брюсселе, коснувшись своей семьи, он, ко всему и вся относившийся под углом "наплевать", сразу изменился, заговорив о матери. Его такое некрасивое и вульгарное лицо стало каким то одухотворенным, взгляд его неприятных глаз вдруг стал мягким и теплым, каким то ушедшим глубоко в себя и он полушопотом сказал мне: "мама... знаете, это просто святая..."

Этот культ матери наложил на всю есмью какой то тяжелый отпечаток. И все друзья этой семьи, бывая у Ульяновых, невольно поддавались пафосу этого культа и проникались его влиянием. И, несмотря на все попытки Анны Ильиничны, этой жрицы этого культа, внести свет и уют в жизнь семьи, всеми, бывавшими у Ульяновых, владел не рассеивавшийся ни на одну минуту гнет какого то могильного чувства, которое всех давило. Все друзья, попадая к ним, старались в свою очередь отвлекать и развлекать старушку, играя комедию и притворяясь. Я тоже не мог избегнуть этого влияния. Я часто бывал у Ульяновых. Это было давно. Я был еще молод, полон энергии и отличался живым общительнымъ характером, и я умел развлекать старушку разными "интересными" рассказами и кроме того мы с ней музицировали: она аккомпонировала, а я пел...

Мария Александровна умерла вскоре после большевицкого переворота и, кажется, ей не пришлось увидеть полного торжества своего сына, и она ушла из жизни, ничего не зная о том ужасе, которым наводнил Россию Ленин.

***

Я перехожу к центральной фигуре этих записок. Но прежде, чем говорить о самом Ленине, я приведу краткие характеристики остальных членов его семьи.

В дополнение к тому, что я уже сказал об Анне Ильи-

ничне, не могу не привести любопытного мнения о ней самого Ленина. Это мнение было высказано им тоже в Брюсселе.

— Ну, это башкистая баба — сказал он мне — знаете, как в деревне говорят "мужик-баба" или "король-баба"... Но она сделала непростительную глупость, выйдя замуж за этого "недотепу" Марка, который, конечно, у нее под башмаком...

И действительно, Анна Ильинична — это не могло укрыться от посторонних — относилась к нему не просто свысока, а с каким то нескрываемым презрением, как к какому то недостойному придатку к их семье. Она точно стыдилась того, что он член их семьи и ее муж. И, обращаясь к нему, такому грузному и сильному мужчине, она, такая маленькая и изящная по всей своей фигуре, всегда как то презрительно скашивала свои японские глаза и поджимала губы. И нередко она с досадой, почти с ненавистью, останавливала свой какой то русалочий взгляд на грузной и добродушной фигуре своего мужа. Повидимому и он чувствовал себя дома "не у себя". Конечно, несмотря на нашу дружбу с ним, я никогда не касался этого вопроса, но мне больно было видеть, как этот добродушный великан не просто стеснялся, а боялся своей жены.

И вот мне вспоминается, как раз его, такого сдержанного и многотерпеливого, что называется прорвало. В тот раз А. И. была особенно раздражительна в обращении с ним, обрывая его на каждом его слове...

— Ах, Марк, — резко оборвала она его, когда он начал что то рассказывать, —я не понимаю, к чему ты говоришь об этом, ведь право же это никому неинтересно... Ты забываешь хорошую поговорку, что слова сереб-

ро, а молчание золото... Ведь и Георгию Александровичу скучно слушать...

М. Т. остановился на полуслове. Понятно и я был неприятно озадачен...

— Что же это, моя женушка, — добродушно и стараясь владеть собой, спокойно ответил он, — ты что то уж очень меня режешь...

— Я просто напомнила хорошую русскую поговорку — заносчиво парировала А. И.

— Ну, ладно, — поднимаясь с места, также спокойно заметил М. Т. — я уж лучше пойду к себе...

— И хорошо сделаешь, — колко ответила А. И.

А между тем, чем больше я узнавал Марка Тимофеевича, тем больше я находил, что это человек вполне почтенный, человек большого аналитического и творческого ума, с большими знаниями, очень искренний и прямой, чуждый фразы, не любивший никаких поз. Напомню, что после большевицкого переворота он, по настоянию Анны Ильиничны и Ленина*), стал народны комиссаром путей сообщения и не скрывал от меня, что не разделяет ленинизма и очень здраво критически относился к самому Ленину. Он между прочим первый забросил в меня идею о ненормальности Ленина.

Чтобы покончить с характеристиками остальных членов семьи Ульяновых отмечу, что брат Ленина, Дмитрий, был, безо всякого давления со стороны его, назначен на какой то весьма высокий пост в Крыму. И по этому поводу, как мне передавал Красин, Ленин в разговоре с ним так отозвался о своем брате:

— Эти идиоты, повидимому, хотели угодить мне, назначив Митю... они не заметили, что, хотя мы с ним носим

---

*) См. мою книгу "Среди красных вождей". — Автор.

одну и ту же фамилию, но он просто самый обыкновенный дурак, которому впору только печатные пряники жевать...

Младшая сестра Ленина, Мария Ильинична Ульянова, с давних пор состоящая на посту секретаря коммунистической "Правды", всегда в своей собственной семье считалась "дурочкой", и мне вспоминается, как Анна Ильинична относилась к ней со снисходительным, но нежным презрением. Но сам Ленин отзывался о ней вполне определенно... Так, когда мы с ним встретились в Брюсселе — я подробно остановлюсь на наших встречах с ним ниже, — говоря о своей семье и упомянув имя Марии Ильиничны, он, лукаво сощурив глаза, сказал:

— Ну, что касается Мани, она пороху не выдумает, она... помните в сказке "Конек Горбунок" Ершов так характеризует второго и третьего братьев:

"Средний был и так и сяк,
"Третий просто был дурак..."

И тем не менее М. И. Ульянова, по инициативе самого Ленина, еще в добольшевицкие времена была назначена секретарем "Правды". Впрочем, она является на этом "посту" лицом без речей, но, как сестра "самого", она всетаки окружена известным ореолом. Так имеются несколько приютов "имени М. И. Ульяновой".

ГЛАВА 5-ая.

С'езд в Лондоне в 1903 г. — Раскол в партии. — Большевики и меньшевики. — Ленин в 1905 г. в России. — Мой арест и ссылка в Сибирь в 1905-06 г. — Из Сибири в Бельгию. — Брюссельская группа рос. соц.-дем. партии. — Я — секретарь этой группы. — Большевики и меньшевики в группе. — Мои революционные сношения с Лениным. — Приезд Ленина в Брюссель для доклада. — В. Р. Меньжинский. — Сцена в ресторане.

После ареста 1901 года я должен был покинуть Москву и почти потерял из вида семейство Ульяновых.

В 1902-м году в Лондоне состоялся известный с'езд рос.-соц.-демократической партии, явившийся исторической датой, отмечающей раскол партии на меньшевиков и большевиков. Я не буду останавливаться на этом событии: оно достаточно известно. Но со времени этого раскола имя Ленина выдвинулось на один из первых планов и становилось все популярнее и популярнее, как вождя большевицкой фракции.

Он оставался заграницей в качестве эмигранта. В 1905 году Ленин возвратился в Россию и принял деятельное участие в тогдашнем открытом революционном движении. Я жил тогда и работал на революционном поприще в Харькове, где и был снова арестован 9-го декабря 1905 года. Незадолго до ареста я получил от Ленина письмо, кото-

рым он устанавливал революционную связь со мною. Это было за несколько дней до моего ареста и таким образом я не успел ему ответить. В начале 1906 г. я очутился в ссылке, в Сибири, а в 1907 г. ссылка была мне заменена высылкой из России. Я уехал в Бельгию, где находился мой старый приятель и товарищ по работе в Харькове Минаков (псевдоним), по убеждениям ярый меньшевик, теперь уже давно умерший.

Я относился крайне отрицательно к эмиграции и потому, попав в Брюссель, я жил в стороне от русских эмигрантов, тем более, что у меня было много личных горестей... Но Минаков, очень популярный в брюссельской эмиграции, всячески старался вытянуть меня из моего уединения. Кончилось тем, что я перезнакомился со всеми. Как и во всех европейских центрах, в Брюсселе существовали разные группы действовавших в то время в России революционных партий. Существовала и "Брюссельская группа российской соц.-демократической рабочей партии". Хотя с'езд 1902 года и положил начало разделению на две фракции (большевиков и меньшевиков), но наружно партия считалась единой и заграничные группы ее, по существу уже распавшиеся внутри каждая на две части, с внешней стороны сохраняли декорум цельных организаций. Но внутри кипели страсти и взаимная вражда, и люди расходились не только идейно, но рвались и старые дружеские связи.

Брюссельская группа, в частности, была в начале моего приезда в Брюссель очень немногочисленна и организационно была очень непрочна. Всем известно, конечно, что секретари такого рода организаций являются в сущности душой их и в значительной степени в известном об'еме даже диктаторами-руководителями своих групп. Секретарем брюссельской группы было лицо весьма ни-

чтожное во всех отношениях, и вся группа в целом была очень недовольна им по весьма многим и вполне основательным причинам. И вот покойный Минаков стал усердно настаивать, чтобы я согласился войти в группу, а затем еще более настойчиво, аппелируя к моему "социальдемократическому" сердцу, начал уговаривать меня согласиться стать секретарем группы. В конце-концов я согласился и был выбран секретарем. Минаков знал, конечно, что я большевик и тем не менее, будучи лично ортодоксальным меньшевиком, не за страх, а за совесть, употреблял все свое влияние для проведения меня в секретари. В качестве такового я являлся, так сказать, естественным представителем брюссельской группы.

В это время ЦК партии установил похвальный обычай время от времени посылать во все пункты, где имелись российские соц.-демократические организации, особых докладчиков по разным современным вопросам. На секретарях групп лежала между прочим обязанность не только организовать собрания, где читались такие доклады, но и принимать гастролеров-докладчиков и заботиться о них во время их пребывания в данном пункте. Таким образом за время моего пребывания в Брюсселе в нем перебывали с самыми разнообразными докладами Мартов, Алексинский, Луночарский, Ленин и др.

Но уже с моего приезда в Брюссель у меня установились с Лениным самые оживленные письменные деловые сношения по всевозможным партийным делам. Надо упомянуть, что Ленин состоял членом ЦК российской соц.-демократической партии (напоминаю, — без разделения ее на большевиков и меньшиков, ибо партия формально была едина), входя одновременно в качестве представителя этой партии и в Бюро Второго Интернационала.

Между прочим с явкой от Ленина в Брюссель пере-

брался на жительство и В. Р. Меньжинский*), с которым у меня вскоре установились очень близкие дружеские отношения. Когда он приехал, он был очень болен, весь какой то распухший от болезни почек. В день прибытия Ленина Меньжинский вызвался встретить его на вокзале и проводить в небольшой ресторан, где я всегда обедал и где должен был ждать их обоих, — час был обеденный.

Я встречал Ленина до сего только один раз. Это было в Самаре, когда я ехал на голод (1891-92 гг.), где я остановился по дороге, чтобы познакомиться с новым тогда для меня делом постановки столовых для голодающих и пр. И вот здесь то я встретил В. И. Ульянова, тогда молодого студента, если не ошибаюсь казанского университета, из которого он за что то был уволен. Он тоже работал на голоде в одной из самарских столовых. Меня познакомили с ним, как с братом безвременно погибшего Александра Ульянова. Я смутно вспоминаю его, как довольно безцветного юношу, представлявшего собою интерес только в качестве брата знаменитости.

И вот встретившись с ним в ресторане через много лет, я, конечно, не узнал в этом невысокого роста, с неприятным, прямо отталкивающим выражением лица, довольно широкоплечем человеке, обладающем уверенными манерами, того Владимира Ульянова, которого я мельком видел в Самаре.

Я сидел в ожидании Ленина и Меньжинского за столиком... Они пришли. Я увидел сперва болезненно согнутого Меньжинского, а за ним увидел Ленина. Мне бросилось резко в глаза одно обстоятельство, и я даже вскочил... Как я выше говорил, Меньжинский был очень болен.

---

*) В настоящее время находится в Москве, где состоит начальником ГПУ. — **Автор.**

Его отпустили из Парижа всего распухшего от болезни почек, почти без денег... Мне удалось кое как и кое что устроить для него: найти своего врача, и пр. и спустя некоторое время он стал поправляться, но все еще имел ужасный вид с набалдашниками под глазами, распухшими ногами... И вот при виде их обоих, пышущего здоровьем, самодовольного Ленина и всего расслабленного М-го меня поразило то, что последний, весь дрожащий еще от своей болезни и обливающийся потом, нес (как оказалось) от самого трамвая громадный, тяжелый чемодан Ленина, который шел налегке за ним, неся на руке только зонтик...

Я вскочил и, вместо привета прибывшему, бросился скорее к Меньжинскому, выхватил у него из рук вываливающийся из них чемодан и, зная, как ему вредно таскать тяжести, накинулся на Ленина с упреками. Меньжинский улыбался своею милой, мягкой улыбкой. Он растерянно стоял предо мной, осыпаемый моими дружескими укоризнами. Я поторопился усадить его и первыми словами обращенными мною к Ленину, были негодующие упреки:

— Как вы могли, Владимир Ильич, позволить ему тащить этот чемоданище? Ведь посмотрите, человек еле еле дышет!..

— А что с ним? — весело-равнодушно спросил Ленин, — разве он болен? А я и не знал... ну ничего, поправится...

Меня резанул этот равнодушный тон... Так возобновилось наше знакомство, если не считать началом его нашу деловую переписку. Сцена с чемоданом произвела на меня самое тяжелое впечатление. Но Ленин был моим гостем и притом близким товарищем, и я, с трудом подавив в себе раздражение, перешел на мирный тон приветствий и пр. Когда мы пообедав, поднялись из за стола, чтобы итти ко мне — Ленин остановился у меня, в моей един-

ственной комнате, — Меньжинский*) [illegible] было, за чемодан Ленина. После долгих препирательств с ним, я вырвал у него злосчастный чемодан и с шуткой, но настоятельно всучил его Ленину, который покорно и легко понес его.

В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на страдания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным...

---

*) По долгу правдивого летописца отмечу, что элемент самопожертвования является отличительной чертой характера Меньжинского в его сношениях с близкими людьми. Так, мне вспоминается, как тот же М-ий, в Москве, прибыв из Киева, страдая сильной грыжей, стал перетаскивать свой и своих товарищей багаж в то время, как молодые товарищи спокойно шли на-легке. Он поплатился за это болезнью, которая продержала его несколько недель в постели. И он сносил свои страдания без ропота, с присущей ему мягкой улыбкой. Таковы гримасы жизни. — **Автор.**

ГЛАВА 6-ая.

Ленин у меня в гостях. — Некоторые характерные черты Ленина: грубость, резкость со слабыми противниками, личные выпады. — Поклонники Ленина и его враги. — Разговоры с Лениным (1908 г.) на тему о максимализме, о парламентаризме, о советизации, учред. собрании и пр. — Его резкое отношение к социалистическим утопиям. — Ленин предостерегает от того, чтобы петь отходную буржуазии и демократии. — Ленин в спорах.

Ленин прогостил у меня всего 4-5 дней. Как я сказал, он жил это время у меня, в моей комнате. Мы все это время не расставались с ним и, как оно и понятно, много говорили с ним на всевозможные темы. Доклад, который он прочитал тогда в Брюсселе, ничего особенного собою не представлял. Я не помню точно его темы, и могу сказать лишь, что он, как теперь принято говорить, был на тему момента дня. Это было в 1908 году, когда революционное движение 1905 года было свирепо и, сказал бы я, чисто по-большевицки подавлено Столыпиным. Само собою, в русском обществе, считая в том числе и революционеров, как реакция, царила значительная подавленность. Люди отходили прочь от революционного движения. Разочарование захватывало все более глубокие слои российских граждан, и в результате общественными силами овладевали инерция и жажда покоя.

И вот борьбе с этим реакционным настроением и был посвящен доклад Ленина. Он старался вдохнуть в сомневающихся и унывающих веру в то, что революционное движение не умерло, что оно идет своим ходом вперед. Собравшиеся на доклад плохо воспринимали его ободрения, и, сколько помню, доклад не вызвал сколько нибудь оживленных прений, и мне, председательствующему на этом собрании, пришлось после двух-трех вялых и каких то вымученных реплик за отсутствием оппонентов, закрыть его при удручающем настроении собравшихся. Отмечу одно обстоятельство, которое, наверное, удивит читателя, не знавшего и не слыхавшего Ленина, как оратора на публичных собраниях. Он был очень плохой оратор, без искры таланта: говорил он, хотя всегда плавно и связно и не ища слов, но был тускл, страдал полным отсутствием под'ема и не захватывал слушателя. И если тем не менее, как это было в России и до большевицкого переворота и после него, толпы людей слушали его внимательно и подпадали под влиянием его речей, то это об'яснялось только тем, что он говорил всегда умно, а главное тем, что он говорил всегда на темы, сами по себе захватывающие его аудитории. Так, например, выступая еще в период временного правительства и говоря к толпе с балкона Кшесинской, он касался жгучих самих по себе для того момента тем, о немедленном мире, о переходе всей земли в руки крестьян, заводов и фабрик в руки рабочих, необходимости немедленного созыва Учредительного Собрания и пр. Естественно, что толпы, состоявшие из крестьян, рабочих, солдат, бежавших с фронтов и матросов, впитывали в себя его слова с восторгом. Конечно, он был большим демагогом, и его речи на указанные темы и в духе, столь угодном толпе или толпам, вызывали целые бури и ликование, и толпа окружала его непобедимым ореолом.

Нечего и говорить, что Ленин был очень интересным собеседником в небольших собраниях, когда он не стоял на кафедре и не распускал себя, поддаваясь свойственной ему манере резать, прибегая даже к недостойным приемам оскорблений своего противника: пред вами был умный, с большой эрудицией, широко образованный человек, отличающийся изрядной находчивостью. Правда, при более близком знакомстве с ним вы легко подмечали и его слабые, и скажу прямо, просто отвратительные стороны. Прежде всего отталкивала его грубость, смешанная с непроходимым самодовольством, презрением к собеседнику и каким то нарочитым (не нахожу другого слова) "наплевизмом" на собеседника, особенно инакомыслящего и не соглашавшегося с ним и притом на противника слабого, не находчивого, не бойкого... Он не стеснялся в споре быть не только дерзким и грубым, но и позволять себе резкие личные выпады по адресу противника, доходя часто даже до форменной ругани. Поэтому, сколько я помню, у Ленина не было близких, закадычных, интимных друзей. У него были товарищи, были поклонники — их была масса, боготворившие его чуть не по институтски, и все ему прощавшие. Их кадры состояли из людей, главным образом духовно и умственно слабых, заражавшихся "ленинским" духом до потери своего собственного лица. Как на яркий пример этого слепого поклонения и восхищения умом Ленина укажу на известную Александру Михайловну Коллонтай, которая вся насквозь была пропитана Лениным, что и дало повод одной известной писательнице зло прозвать ее "Трильби Ленина". Но наряду с такими "без лести преданными" были и многочисленные лица совершенно, как то органически, не выносившие всего Ленина в целом, до проявления какой то идиосинкразии к нему. Так мне вспоминается покойный П. Б. Аксельрод, не-

выносивший Ленина, как лошадь не выносит вида верблюда. Он мне лично, в Стокгольме определял свое отвращение к нему. П. Б. Струве в своей статье-рецензии по поводу моих воспоминаний, упоминает имя покойной В. И. Засулич, которая питала к Ленину чисто физическое отвращение. Могу упомянуть, что знавшая хорошо Ленина моя покойная сестра В. А. Тихвинская, несмотря на близкие товарищеские отношения с Лениным, относилась к нему с какой то глубокой внутренней неприязнью. Она часто говорила мне, как ей бывало тяжело, когда Ленин гостил у них (в Киеве) и как ей было трудно сохранять вид гостеприимной хозяйки... Ее муж, известный проф. М. М. Тихвинский, старый товарищ Ленина и приятель его, тоже "классический" большевик (не "ленинец") был расстрелян по делу Таганцева...

Надо отметить и то, что, как я выше упомянул, Ленин был особенно груб и безпощаден со слабыми противниками: его "наплевизм" в самую душу человека был в отношении таких оппонентов особенно нагл и отвратителен. Он мелко наслаждался безпомощностью своего противника и злорадно и демонстративно торжествовал над ним свою победу, если можно так выразиться, "пережевывая" его и "перебрасывая его со щеки на щеку". В нем не было ни внимательного отношения к мнению противника, ни обязательного джентельменства. Кстати, этим же качеством отличается и знаменитый Троцкий... Но сколько нибудь сильных, неподдающихся ему противников, Ленин просто не выносил, был в отношении их злопамятен и крайне мстителен, особенно, если такой противник раз "посадил его в калошу"... Он этого никогда не забывал и был мелочно мстителен...

Я остановлюсь несколько на том, что говорил Ленин в ту эпоху, чтобы выявить тогдашние его убеждения и тем предоставить читателю возможность дать очную став-

ку двум Лениным: Ленину 1908 года и Ленину 1917 г. и далее...

Читателю известно, конечно, что революционное движение 1905 года вызвало наружу всевозможные революционные течения, которые все сливались в общем в одно широкое русло борьбы против самодержавия. Между прочим одним из таких течений был и **максимализм.** Течение это, создавшееся на моих глазах и против которого все тогдашние партии вели ожесточенную борьбу (и меньшевики и большевики...), об'единяло собою, главным образом, найболее зеленую русскую молодежь и выражалось в стремлении немедленно же осуществить в жизни социалистическую программу **максимум.** Конечно, течение это было совершенно утопично и необоснованно (большевики осуществили эту утопию!..) и выражало собою только молодую горячность и, само собою, глубокое политическое невежество. И я позволю себе заметить, что современный "ленинизм", или "большевизм", говоря грубо, представляет собою именно этот самый максимализм, доведенный до преступления перед Россией и человечеством вообще...

Я лишь отмечаю это сходство, не останавливаясь на доказательствах и обосновании его, ибо это потребовало бы зря много места и времени... да к тому же ведь и всякому это очевидно.

Конечно, правительство Столыпина свирепо, по-большевицки, расправившееся с революцией, обрушилось всей тяжестью на максималистское движение, которое, кстати сказать, в значительной степени сплеталось с вульгарным анархизмом*). Течение это было подавлено, как и все дви-

---

*) Видным и талантливым представителем анархо-максимализма был молодой талантливый философ Рысс, писавший под псевдонимом "Марфа Борецкая". Как известно, он был повешен

жение 1905 года и спасшиеся от тюрем и висилец бежали заграницу. Было несколько таких максималистов-эмигрантов и в Брюсселе в описываемую эпоху. Среди них был один юноша, вышедший из школы до окончания ее, чтобы служить революции, которого я назову просто "Саней". Ему было всего 18 лет. Очень неглупый, даже талантливый в некоторых отношениях, он обладал чисто обломовской леностью ума и слабостью характера, что и вело в общем к его глубокому невежеству. Онъ очень бедствовал заграницей, вечно подпадая под дурное влияние отбросов эмиграции, шантажировавших и обиравших его и толкавших его, по слабости его характера, на недостойные поступки. Мне пришлось много повозиться с этим юношей, в глубине души хорошим и даже детски-честным...

Он часто бывал у меня, заходил и во время пребывания Ленина, которому я как то характеризовал его. Был он очень застенчив, Ленин смущал его своим значением, и он до глупости робел перед ним.

— А, товарищ Саня! — приветствовал его однажды Ленин, когда Саня зашел ко мне. — Ну, как обстоит с максимализмом? Скоро вы нам дадите социалистический строй? да кстати и царство небесное на земле? Пора бы, товарищ, пора, а то ведь душа засохла...

Бедный юноша от этого вопроса, что называется, осел. Он был тяжел на слова и свободно говорил только в обществе, где с ним были нежны и теплы. Здесь же он от смущения и покраснел и побледнел и стал говорить что то совершенно нечленораздельное. Я пошел ему на

в Киеве. Отмечу, что Рысс, как он признался сам, был в сношениях с русской охранкой,но по его словам, лишь в интересах революции. Я его немного знал (Харьков, 1904-05 гг.) и помню его, как яркого и талантливого человека и увлекательного оратора. — **Автор.**

выручку и старался за него отшутиться пред Лениным, который, видя пред собою весьма слабого противника, обрушился на него со всем своим обычным арсеналом.

— Я не понимаю людей, — резко напал он на безпомощного и пришипившигося Саню и по своему обыкновению продолжал, встав из за стола и начав ходить взад и вперед по комнате, — совершенно не понимаю, как умный человек, — а я надеюсь, имею честь говорить с таковым, — может лелеять мечты и не только мечты, а и рисковать и работать во имя немедленного интегрального социализма? Какие у вас обоснования? — резко, остановившись перед Саней, в упор поставил он свой вопрос, — а?.. но только не разводите мне утопий, — это, милчеловек ни к чему... Ну, я слушаю, с **глубоким** (подчеркнул он) интересом...

— Да, мы — медленно, точно выжимая из себя прессом слова, безпомощно мямлил Саня, как ученик на экзамене бросая на меня умоляющие взгляды, — мы считаем... эээ... согласно Марксу, что конкуренция... концентрация капитала... орудий производства... словом, что настал момент окончательной экспроприации... эээ...

— Ха-ха-ха! — злобно рассмеялся Ленин, заранее торжествуя легкую победу. — Слыхали мы все это, господин мой хороший в сапогах, слыхали и не раз... Все это праздные измышления "скорбных разумом невтонов", или, вернее, социалистическая маниловщина, с ее мостами, лавками и пр. побрякушками... голая и вредная утопия... Чистейшей воды фурьеризм или "Нью-Гармони" папаши Оуэна... Неужели вы не понимаете, что ставка на немедленный социализм не выдерживает даже самой поверхностной критики?! Неужели вы не понимаете, что при современном соотношении общественных сил, при слабом развитии, во всем мире, а не то, что в нашей заскорузлой

"Рассее"-матушке, господин мой хороший, а именно и точно при слабом развитии во всем мире капитализма, нас отделяют от момента обобществления сотни, если не тысячи лет, но сотни - то во всяком случае... Надо обладать по - истинне гениальным узколобием, чтобы верить в немедленный социализм... Ха - ха - ха! Где там! нам вынь да положи вот сию же минуту "Красную Звезду" моего друга Александра Александровича*)... на меньшее мы несогласны! Никак нет, ни Боже мой, — на меньшее мы несогласны! И зря он написал этот роман, ибо он только окончательно совращает с пути истины всех скорбных главой, имя же им легион и заставляет их лелеять, по выражению моего друга "его величества Божьею милостью Николая II-го" несбыточные мечтания...

Он остановился на минуту, подошел к столу, отпил чаю и снова заходил по комнате.

— Да, я говорю, несбыточные мечтания, — продолжал он. — И горе нам было бы, нам и всему миру, еслибы каким нибудь хоботом, какой нибудь нелепой авантюрой Россия, или какой угодно, даже самый цивилизованный по нынешним временам народ был бы ввергнут в социалистический строй в современную нам эпоху! Это явилось бы бедствием, мировым бедствием, от которого человечество не оправилось бы в течение столетий!.. Да, прав Исус Христос, — что ни говорите, а он был не дурак, и вам, милейший, следовало бы помнить, что он говорил ..."блюдите, да не соблазните единого от малых сих"... А что такое народ, толпа?! это именно те "малые", о кото-

---

*) Речь идет о нашумевшем в свое время романе А. А. Малиновского (Богданова) «Красная Звезда", в котором автор талантливо воспроизводил социалистическую утопию. Роман очень захватил молодежь того времени. — Автор.

рых он говорил!.. Этот соблазн, — преступление перед всем миром, перед всем человечеством!! Да, именно. И сколько все мы пишущие и говорили и писали, предостерегая от увлечения социалистическими утопиями, сколько мы доказываем, что всякого рода фурьеризмы, прюдонизмы и оуэнизмы ведут только, в конечном счете, к реакции, глубокой душной без'исходной реакции, чреватой, знаете чем?! — и он вплотную остановился перед несчастным Саней, как бы ожидая от него ответа...

Но тот, точно ошпаренный, упорно молчал. Ленин ждал. Саня, как школьник, не приготовивший урока, не зная, что сказать, стал откашливаться, — было жалко на него смотреть.

— Хе, — злорадно снова заговорил Ленин, — "экхе-экхе", — передразнил он Саню, — вот то-то и оно что "экхе"... Так вот я вам скажу, мой мудрый и почтеннейший Сократ, чем это чревато? Неизбежная в таком случае реакция привела бы к тому, что здоровая сама по себе идея социализма погибла бы, если не совсем, то ее движение было бы застопоренно на много десятилетий! Человечество надолго бы было иммунитировано этой предохранительной вакциной социализма и получило бы полнейший отврат к нему... Конечно, в конце концов социализм восторжествует, но эта реакция, повторяю, задержала бы поступательное движение его и столь любезную вашему сердцу, не говорю, уму — об уме тут не приходится говорить — экспроприацию и обобществление капитала... И мы, убежденные социалисты - диалектики не можем иначе, как с глубокой враждой относиться к максимализму, под каким бы соусом он не подавался, как к самому реакционному течению...

— А, сколько, кстати вам лет?! вдруг оборвав сам

себя, резко спросил он Саню, и его маленькие глазки засветились хитрым и злым огоньком.

Весь красный и обливаясь потом, несчастный, затюканный Саня, прокашлявшись каким то замогильным густым басом ответил:

— Почти девятнадцать...

— Ха-ха-ха! только то? а не шестнадцать?!.. ну да все равно... Пушкина помните? помните: "так розгами его!" — сказал Зевс в известном стихотворении... ха-ха-ха!*)

Не помню уж точно как, далее Ленин завел с тем же Саней разговор о парламентаризме. Дело в том, что в своем

---

*) Я нарочно так подробно привел эту декларацию Ленина. Она любопытна, как антитеза всему современному "ленинизму", "сталинизму" и пр. Она интересна и для сопоставления ее с ответом Ленина мне, когда вскоре после большевицкого переворота я, приехав в Петербург, беседовал на эту тему с Лениным. Позволю себе сослаться на это место из моих воспоминаний ("Среди Красных Вождей") и привести наш разговор:

" - Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, - сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров "Утопия", только в колоссальном размере, — я ничего не понимаю...

"— Никакого острова "Утопии" здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства. Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем.... А, вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции...

"Я невольно улыбнулся. Он скосил свои узенькие маленькие глаза монгольского типа с горевшим в них злым ироническим огоньком и сказал:

"— Вы улыбаетесь! дескать, все это безплодные фантазии. Я знаю все, что вы можете сказать, знаю весь арсенал тех трафаретных, избитых, якобы марксистских, а, в сущности, буржуазно-меньшевицких ненужностей, от которых вы не в силах отойти даже на расстояние куриного носа...

"— Мы забираем и заберем как можно левее!..

"Улучив минуту, когда он на миг смолк, точно захлебнув-

докладе Ленин говорил по поводу значения соц.-демократической думской фракции. И вот хотя и робко и запинаясь, Саня, при моем содействии (я знал его взгляды и чисто детские рассуждения и обоснования), высказал свой отрицательный взгляд на парламентаризм. Он повторял, как хорошо натасканный попугай, что парламент отжил свое, что он всюду падает, как пережиток и является учреждением, чисто буржуазным...

— Вот как! — снова сцепился Ленин с ним. — Так что вы считаете, товарищ Саня, что для России парламентский режим тоже пережиток, который можно спокойно выбросить, как яичную скорлупу! Великолепно, я принимаю ваше глубокомысленное решение и всеми мерами приветствую его. Итак, долой парламенты всего мира, вплоть до старейшего из них английского! Долой!... Ну, а что же вы предлагаете взамен этих "отживших" учреждений? Ведь вы, конечно, как ортодоксальный максималист, считаете, что и мировая — о российской, мы, конечно, и говорить не желаем — буржуазия выполнила свою историческую миссию, а потому долой и ее?.. Так ведь?

— Да, так — робко проскрипел Саня.

— Прррравильно, — ехидным тоном сказал Ленин, — принимаю и даже ставлю вопрос шире. Принимаю, что вообще и демократия и ее режим тоже отжили свое. Принимаю и приветствую глубокие заключения товарища Са-

---

шись своими собственными словами, я поспешил ему возразить: — Все это очень хорошо. Допустим, что вы дойдете до самого, что ни есть левейшего угла... Но вы забываете закон реакции, этот чисто механический закон отдачи. Ведь вы откатитесь по этому закону, черт знает куда!..

"— И прекрасно! — воскликнул он. — Прекрасно, пусть так, но в таком случае, это говорит лишь за то, что надо еще более забирать влево!.. Это вода на мою же мельницу... — Автор.

ни... Да здравствует максимализм, а следовательно, по максималистски-же и немедленная диктатура пролетариата! Так, верно я говорю? Черт с ними и с крестьянами — ведь и они тоже мелкие буржуа, а, значит, — говорю о России — пусть и они исчезнут также с лица земли, как рудимент... Хорошо. Ну, а предлагаемый образ правления, раз вы изволите уничтожить парламент? Ну, мудрый Эдип, разреши!!..

Я не принимал участия в этом неинтересном мне споре, оставляя Саню на произвол судьбы. Я хорошо знал всю нелепость взглядов Сани, если это можно назвать взглядами, но я с любопытством следил за манерой ведения его Лениным. Мне казалось, что совершенно невежественный мальчик Саня просто не стоил тех громов, которыми разил его Ленин.

— Да, вместо парламента нужны облеченные всей полнотой власти советы — с трудом выжал из себя Саня трафаретный ответ.

— Ну, вот мы, слава Богу и договорились! — воскликнул Ленин, как то провокационно ободряя Саню. — Исполать тебе, детинушка, что умел ответ держать. Но вот еще один вопрос, который нам следует разрешить... Раз вы так блестяще разрешили вопрос указанием на советы, может быть, вы скажете мне, а как-же быть — говорю под углом не всего человечества, а с точки зрения наших российских интересов, — нам уж не до всего человечества, где уж тут, дай бог самих себя устроить... Так вот, как быть с идеей учредительного собрания, этой старой мечтой российского освободительного движения? Что-ж и ее надо похерить?

— Да, похерить, — вымолвил Саня таким тоном, точно он чувствовал, что тонет и что все равно уж пропадать...

Ленин как то мелко торжествовал. Его маленькие

глазки светились лукавством кошки, готовой сейчас броситься на мышенка, перед которым путь к норе был отрезан. И он накинулся на него, пересыпая свои слова совершенно ненужными оскорбительными личными выпадами... Он крикливо и демагогически (хотя мы были втроем) построенными оборотами начал читать ему целую передовую статью о пользе парламента, о том, что демократии предстоит еще широкое будущее, что класс буржуазии далеко не сказал еще своего последнего слова и нескоро его скажет, что диктатура рабочего класса пока еще химера, что Учредительное Собрание есть реальная глубоко затаенная мечта всего русского народа, без различия классовых и иных перегородок и что оно является необходимым этапом к установлению того правления, которое будет угодно суверенному свободному народу.

— Ну, а вы, мой мудрый Эдип, уже решили вопрос об этом правлении! Какого черта созывать Учредительное Собрание, когда товарищ Саня уже решил все!.. Советы, говорите вы? великолепно, да здравствуют советы и все вообще идеи гг. Троцких, Хрусталевых и иже с ними!.. Слава и вам, товарищ Саня, хотя... ах, "муж многоопытный, губит тебя твоя мудрость"...

Попозже в тот же день, когда Саня уже ушел, я обратился к Ленину с дружеским упреком в самой мягкой форме:

— И охота вам была, Ильич, так зло спорить с Саней, — ведь это еще мальчик, попавший в вихрь революции...

— А черт с ним, — как то подчеркнуто злобно ответил Ленин, — дураков учить надо, ведь дураков, говорит пословица и в церкви бьют, пусть он сам на себя пеняет, что я его отшлепал...

— Да, Саня вовсе не дурак — ответил я, — это просто мальчик, очень невежественный, который чисто тем-

пераментно пристал к революции и которому и в силу его юности психологически нужно было пристать к самому левому течению...

— Плевать я хотел на него, — грубо и вульгарно отмахнулся Ленин.

ГЛАВА 7-ая.

Ленин заботится о нуждающемся товарище. — Его поза.

Я не люблю Ленина и никогда не состоял в рядах его поклонников. Но долг безпристрастного "летописца" обязывает меня не скрывать того светлого, что мне (правда, "на экране моей памяти" этого светлого сохранилось очень немного), пришлось в нем подметить.

Перед своим докладом Ленин, собираясь вместе со мной итти в "Мэзон дю Пэпль", в одной из аудиторий которого должно было состояться собрание, вынув свою записную книжку, порывшись в ней, попросил меня познакомить его с одним из эмигрантов, известным под именем "товарищ Митя". Он был наборщиком и жил в Брюсселе с молодой женой и очень нуждался. Как секретарь группы, я располагал спорадически небольшими средствами, из которых, с разрешения Бюро группы, оказывал ему посильную помощь.

— Вы не знаете, Г. А., он очень нуждается? — спросил Ленин.

Я подтвердил и иллюстрировал его нужду.

— Дело в том, — сказал Ленин, — что он писал мне и просил помочь. Я могу в качестве члена Интернациональ-

ного Бюро выхлопотать ему то или иное пособие... Сколько вы думаете надо ему выдать?

Я указал, как на минимальную сумму пособия, на пятьдесят франков: в то время в Бельгии можно было на эту сумму одному человеку прожить полмесяца.

— Что вы? что вы? — сказалъ Ленин, и во взгляде его я прочитал выражение какой то теплоты. — Он, видите ли, пишет, что чрез некоторое время, счастливец (вздохнул он*)) его жена ждет ребенка... Так что 50 будет маловато, а? как вы думаете?

Тогда я удвоил сумму пособия. Но Ленин, согласившись со мной, просил меня уведомить его, когда наступит минута родов, чтобы устроить Мите еще пособие, что я, конечно, и исполнил.

В "Мэзон дю Пэпль" мы пошли с ним к Гюйсмансу, секретарю Интернационального Бюро, и Ленин попросил его выдать сто франков для Мити. Отмечу, что, когда Митя, пораженный таким крупным пособием (по современному индексу это составляло не менее тысячи франков), благодарил Ленина, тот страшно сконфузился и стал валить "вину" на меня.

Весть о крупном пособии быстро распространилась по эмиграции, и к Ленину с аналогичными просьбами обратились еще два-три товарища, и он по совещанию со мной, как секретарем, выхлопотал и для них, правда, небольшия пособия.

Может быть, мы все мало знали Ленина и, имея с ним общение исключительно деловое, не обращали внимания на эти черты его характера? Может быть в нем тлели и обыкновенные чувства?.. Так хотелось бы верить!.. Напомню об его отношении к матери...

---

*) Ленин, как и его жена, Надежда Константиновна, очень, но тщетно хотели иметь ребенка. — **Автор.**

Но, раз я коснулся этой стороны, не могу не сопоставить с этим его отношением к посторонним, неизвестным ему товарищам, его отношение к Меньжинскому, его старому товарищу и другу, о чем я выше уже говорил. В течение этого пребывания Ленина у меня я несколько раз говорил ему о тяжелом положении Меньжинского, человека крайне застенчивого, который сам лично предпочел бы умереть (я его застал умирающим от своей болезни, в крайней бедности, но он никому не говорил о своем положении), а ни за что не обратился бы к своим друзьям или товарищам. Но Ленин относился к моим указаниям совершенно равнодушно и даже жестко холодно. Он ничего не сделал для него...

Но описанный выше случай, когда Ленин обнаружил такую растрогавшую меня чисто товарищескую теплоту, был единственный, по крайней мере из известных мне. Возможно, что это именно потому то так врезалось мне в память и так меня растрогало, что это было так непохоже на Ленина, было так необычно для него и напоминало какое то чудо, вроде летающей собаки. И рядом с этим встает воспоминание об его грубом отношении к близкому ему товарищу Меньжинскому. И невольно копошится подозрительное сомнение, да не было ли это его теплое внимательное отношение к мало знакомому ему Мите, притом рабочему, лишь демагогическим жестом, позой для привлечения сердец.

ГЛАВА 8-ая.

"Отзовизм" и мой спор с Лениным. — Тяжелая сцена грубостей, и я осаживаю Ленина. — Предложение дискуссии об "отзовизме". — В нас обоих закрадывается взаимная неприязнь.

В это же пребывание Ленина у меня между нами произошло резкое столкновение с ним на почве принципиальной, о котором я вскользь говорю в моих, уже упомянутых, воспоминаниях "Среди Красных Вождей" и которое по мелочному, и скажу не обинуясь, чисто обывательско - мещанскому злопамятству "великого" Ленина, отразилось на его отрицательном, чтобы не сказать нарочито враждебном отношении ко мне, когда он был всесильным диктатором и стал распоряжаться судьбами России. Он сводил тогда свои счеты со мною...

Но расскажу подробнее об этом столкновении, так как в нем очень ярко выразился злобный характер Ленина.

Незадолго до доклада Ленина в Брюсселе же читал доклад и приблизительно на ту же тему покойный Юлій Осиповичъ Мартов. В то время Ленин уже резко разошелся с ним, порвав даже личные сношения. В своем докладе Мартов, говоря о значении нахождения в Гос. Думе социал - демократической фракции, обусловливал важность ее тем, что она увеличиваетъ численно думскую

оппозицию и может присоединять свои подписи к тем или иным петициям, подаваемым Г. Думой на высочайшее имя. Конечно, это была совершенно не революционная точка зрения, а чисто обывательски-либеральная.

И вот как то вечером между Лениным и мною произошла беседа на эту тему. Ленин озлобленно ругал Мартова. Было уже давно поздно, когда мы начали этот разговор и мы оба раздевались для сна. Я и лег. А Ленин, начав разговор, по своему обыкновению, стал ходить по комнате в одном белье. Я, конечно, не разделял точки зрения покойного Мартова и особенно ее мотивировки.

Необходимо отметить, что в то время среди, особенно, большевицкого крыла нашей партии возникло довольно резко и широко выразившееся течение за то, чтобы дезавуировать товарищей, входивших в думскую фракцию. Течение это, прозванное в партии "отзовизмом" заразило и найболее радикально настроенных товарищей-меньшевиков. "Отзовисты", к которым примыкал и я, так мотивировали свое требование об отозвании перед ЦК партии.

Думская фракция, указывали они, при своем количественном ничтожестве — если память мне не изменяет, она состояла всего не то из 11-ти, не то из 17-ти человек — была и качественно очень слаба. Поэтому, не пользуясь по своей малочисленности никаким влиянием на ход парламентских дел и занятий, это левое крыло думской оппозиции, лишенное возможности осуществлять партийные задачи, могло играть в интересах рабочего движения лишь одну существенную роль, резко и определенно высказывая с думской трибуны требования и идеи рабочего движения, не пропуская для этого ни одного подходящего или удобного случая. Но слабая и по своему личному составу, фракция своими выступлениями производила самое

жалкое впечатление, часто смехотворное. Лица, входившие в нее, не исключая и лидера фракции, покойного Чхеидзе, очень хорошего человека и честного, но ни чем не напоминавшего собою народного трибуна, были люди робкие и совершенно незначительные, как по характеру (отсутствие гражданского мужества, столь необходимого для воинствующей оппозиции), так и умственному убожеству и отсутствию необходимой эрудиции. А потому фракция нередко впадала в глубокие противоречия с основоположениями платформы партии*).

ЦК партии употреблял все свое влияние на фракцию, носясь с ней, как нянька и ведя с нею определенно исправительную борьбу. Он обращался к ней с выговорами, замечаниями, требовал подчинения, давал ей указания и директивы по поводу обязательных выступлений с трибуны, подготовлял ее к этим выступлениям, давая ей не только необходимые материалы, но даже составлял целые речи, которые члены фракции должны были произносить с думской трибуны. Напоминал о партийной дисциплине... Но фракция оставалась верна себе и, продолжая проваливать и компрометировать рабочее движение, в то же время заявляла ЦК-ту о своем полном подчинении и хваталась за свои высокие парламентские полномочия и дорожа своей депутатской неприкосновенностью. И к тому же эти полные ничтожества обладали, как и все ничтожества, неукротимым самолюбием...

И вот в описываемое время в партийных кругах на-

---

*) Упомяну о Петровском, который теперь является председателем украинского совнаркома, по принципу на безлюдии и Фома человек. Он демонстрировал свое полное ничтожество во время процесса, инсценированнаго царским правительством, по обвинению фракции в государственных преступлениях. Мне лично передавали о той приниженной роли, которую играл этот "трибун" на суде. — **Автор.**

чалось, сперва глухое, но постепенно все нароставшее проявление негодования, отлившегося в конце концов в довольно широкое внутри партийное движение за то, чтобы отозвать фракцию, т. е. дезавуировать ее. Повторяю, въ этом движении приняли участие не только большевицкие круги партии, но в нем участвовало немало и меньшевиков, найболее последовательных и прямолинейных.

И характерно то, что, как это и ни странно, Ленин относился очень терпимо к этим "маленьким недочетам", как он их называл, фракции и категорически высказывался против дезавуирования и вообще крутых мер... И вот мне пришлось в указанный вечер схватиться с ним в горячем споре по этому вопросу...

Я стал спокойно, чисто деловым тоном, тщательно аргументируя каждое отрицательное положение, нападать на думскую фракцию и ЦК, упрекая первую в указанном выше непозволительном поведении, в самом наглом нарушении партийной дисциплины, а ЦК партии в слабости и явном потворстве. По своему обыкновению Ленин спорил не просто горячо и резко, но запальчиво и с нескрываемым раздражением.

— Никакого тут потворства и слабости со стороны ЦК нѣт, — говорил он, — а есть просто стремление сохранить нашу парламентскую фракцию, что выгодно партии, возглавляющей и выражающей революционные интересы пролетариата. И всякий, у кого мозги не заволокло туманом, должен это хорошо понимать.

— Великолепно, — игнорируя его последний личный выпад, сказал я, — но ведь эта, с позволения сказать, наша парламентская фракция не умеет, неспособна использовать трибуну, это единственное "окно в Европу" и, вместо того, чтобы говорить в него всему миру о требованиях рабочего класса и вообще народа, лепечет ка-

кой то жалкий и трусливый вздор, который только возмущает истинных представителей рабочего класса, как наших, так и западно-европейских. Вот в этом то и зарыта собака.

— Это неверно! — резко закричав, оборвал меня Ленин. — Люди делают, что могут и умеют. И это очень важно! Как вы этого не понимаете?!

— Я очень хорошо понимаю то, что вы говорите, — сказал я, — но в том то и беда, что люди эти очень мало могут и ничего почти не умеют, почему им и не место представлять партию в парламенте.

— А, вот что! — возразил Ленин. — Значит, надо их отозвать. Очень остроумное решение, делающее честь глубокомысленности и политической мудрости его авторов!.. А я вам скажу, господин мой хороший и сеньор мой сиятельный, что отзовизм это не ошибка, а преступление. Все в России спит, все замерло в каком то обломовском сне. Столыпин все удушил, реакция идет все глубже и глубже... И вот, цитируя слова М. К. Цебриковой, — надеюсь, это имя вам известно, мой многоуважаемый, — напомню вам, что "когда мутная волна реакции готова захлестнуть и поглотить все живое, тогда стоящие на передовых позициях, должны во весь голос крикнуть всем падающим духом: "д е р ж и с ь!" Это ясно всякому, у кого не зашел еще ум за разум...

— Вот именно, — ответил я, все еще пропуская мимо ушей грубости и личные выпады против меня, — "крикнуть и кричать, не уставая во весь голос "держись"! К сожалению, наши то, которых вы называете "передовыми", не умеют и не хотят крикнуть... Голоса их — вспоминаю "Стену" Леонида Андреева, — это голоса прокаженных: они сипят и хрипят и, вместо мужественного крика и призыва, издают ряд каких то неясных, робких

шопотов и бормотаний, над которыми наши противники только смеются! И я считаю, что нам выгоднее в интересах нашего дела оставаться в думе без фракции, чем иметь...

— Как?! По вашему лучше остаться в думе без наших представителей?! — с возмущением прервал меня Ленин. — Ну, так могут думать только политические кретины и идиоты мысли, вообще скорбные главой и самые оголтелые реакционеры...

Эти грубые и в сущности плоские личные выпады, наконец, мне надоели. Я долго не обращал, или, вернее, старался не обращать на них внимания, понимая, что они являются следствием сознания безпомощности той позиции, которую он защищал. Я привожу наш разговор в сжатом видѣ, чтобы дать читателю лишь понятие о манере Ленина спорить. На самом деле он просто ругался и сыпал на мою голову выражения "дубовые головы" "умственные недоноски", "митрофаны", — словом аргументировал целым набором оскорбительных выражений. Я никогда не любил споров из за споров и органически не выношу, когда спор превращается в личную прю и взаимные оскорбления: для меня спор тогда теряет всякий интерес, и мне становится просто непроходимо скучно. Так было и на этот раз.

— Ну, Владимир Ильич, вы бы брали легче на поворотах, — внешне спокойно, но внушительным тоном сказал я. — Ведь, если и я применю вашу манеру оппонировать, так, следуя ей, и я могу "обложить" вас всякими ругательствами, благо русский язык очень богат ими, и тогда получится просто рыночная сцена... Но я помню, что, к сожалению, вы мой гость...

Надо отдать справедливость, мой отпор подействовал на Ленина. Он вскочил, стал хлопать меня по плечам,

полуобнимая, хихикая и все время повторяя "дорогой мой" и уверяя меня, что, увлеченный спором, самой темой его, забылся и что эти выражения ни в коей мере не должно принимать, как желание меня оскорбить... Тем не менее спор наш прекратился. Я предложил Ленину, состоявшему в то время членом ЦК и редактором нашего фракционного (б-ков) органа "Пролетарий", открыть на страницах его дискуссию на эту тему, сказав, что я немедленно же напишу соответствующую статью с изложением моего взгляда.. Он согласился, повидимому, охотно, но, какъ дальнейшее покажет, совершенно неискренно. Скосив свои узенькие татарские глазки в сторону, он ответил, что единолично, вполне приветствуя мое предложение, он не может ответить от имени журнала, так как-де "Пролетарий" ведется редакционной коллегией из пяти лиц, но что он лично будет поддерживать мою идею о дискуссии и настоит на помещении моей статьи...

ГЛАВА 9-ая.

Ленин характеризует разных известных лиц. — Ленин об Ю. О. Мартове. — Ленин об А. Луночарском. — Ленин о М. Горьком. — Ленин о Троцком. — Ленин о В. И. Засулич. — Ленин о Литвинове; тифлисская экспроприация; Литвинов и Мартов; они не сошлись и что из за этого произошло. — Ленин о Вересаеве. — Ленин о Воровском. — Ленин о Г. А. Алексинском.

Я заканчиваю описание этого первого приезда Ленина в Брюссель. И в заключение считаю не безполезным для характеристики Ленина привести его отзывы о разных более или менее известных деятелях, сделанные им в это его посещение меня в Брюсселе.

Я выше говорил, что незадолго до его приезда в Брюсселе же читал доклад покойный Ю. О. Мартов. И вот, говоря о нем, Ленин с обычными своими ужимками и лукавым видом, сказал мне:

— Хотя Ю. О., как известно, мой большой друг... вернее, бывший друг, но, к сожалению, он великий талмудист мысли, и что к чему, — это ему не дано...

О недавно смещенном с поста наркомпроса А. В. Луначарском, который незадолго до него тоже читал доклад

в Брюсселе на зыбкую тему романа Арцыбарева "Санин", он говорил не только зло, но и с нескрываемым омерзением, ибо, насколько я знаю, в известных отношениях Ленин был очень чистый человек, с искренней гадливостью относившийся ко всякого рода эксцессам, как пьянство, половая распущенность и пр.

В свой приезд Луночарский тоже гостил у меня и тоже пробыл три-четыре дня. Я хорошо знал его покойного брата, д-ра Платона Васильевича, моим товарищем по работе (революционной) в Москве и арестованным, также, как и я, 1-го марта 1901 г. Естественно поэтому, что я встретил Анатолия Луночарского очень приветливо. Но уже после весьма кратковременного знакомства с ним я раскусил его и понял, что это был, хотя внешне и блестящий человек, но совершенно пустой малый и морально очень неразборчивый... Он жил тогда на о. Капри под сенью Горького, о котором он говорил с самым пошлым подобострастием, так же как и об его жене. Он усиленно уговаривал и меня переехать на Капри, причем все время говорил в таком духе, что вот он вернется на Капри, повидается с Горьким и "главное с Марией Федоровной" и поговорит с ними обо мне и уверен, что они согласятся приютить и меня. Все это говорилось тоном какого то приживала... Я просил его весьма определенно не хлопотать, говорил, что с отвращением вспоминаю и о Горьком и об его жене... Но тем не менее вскоре после его от'езда я получил он него письмо, в котором он сообщал, что очень хлопотал обо мне перед Горьким и в конце концов добился и от Горького , а "главное, от М. Ф." согласия на то, чтобы я приехал к ним на Капри и что меня у Горьких на их вилле ждет прекрасная комната и пр.. Конечно, я поспешил ответить ему, что, как я говорил ему при свидании, я не хочу и не могу согласиться

на это приглашение и вступить в ряды того хора паразитов, который окружает "великого Горького".

В Брюсселе Луночарский отметился гомерическим пьянством. Так, помню, после одного угощения (пьянство и пр.), данного ему его поклонниками, мне пришлось в четыре часа утра увозить его к себе домой грязно пьяного, скверно ругавшегося и все время лезшего в драку, бившего посуду...

Я рассказал об его брюссельских подвигах Ленину, показал ему письмо Л-го ко мне с выражением "согласия" Горьких на мой приезд на Капри, и Ленин тут то и сделал самую безпощадную характеристику своему будущему коллеге по совнаркому, будущему "министру народного просвещения".

— Это, знаете, настоящий фигляр, не имеющий ничего общего с покойным братом Платоном. По своим убеждениям и литературно-художественным вкусам он мог бы сказать устами Репетилова: "да, водевиль есть нечто, а проече все гиль".. Да и в политике он типичный Репетилов: "шумим, братец, шумим!"... Не так давно его укусила муха богоискательства, конечно, также фиглярно, как весь он фигляpeн, то-есть, просто стал в новую позу. Но, знаете, как тонко посмеялся над ним по этому поводу Плехановъ... Это было во время партийного с'езда... Плеханов, в кулуарах, конечно, вдруг подходит к нему какими то кротко-монашескими мелкими шажками, останавливается около него, крестится на него и тоненьким дискантом пропел ему: "святый отче Анатолий, моли Бога о нас!"... Скажу прямо, — это совершенно грязный тип, кутила и выпиваха и развратник, на Бога поглядывает, а по земле пошаривает, моральный альфонс, а, впрочем, черт его знает, может

быть, не только моральный... Подделался к Горькому, поет ему самые пошлые диферамбы, а того ведь хлебом не корми, лишь пой ему славословие... ну и живет у них на Капри и на их счет...*)

И тут же, придравшись к этому случаю, Ленин посвятил несколько слов и "великому Горькому".

— Это, доложу я вам, тоже птица.. Очень себе на уме, любит деньгу. Ловко с'умел воспользоваться добрым Короленкой и др., благодаря им взобрался на литературный Олимп, на котором и кочевряжется и с высоты которого ругает направо и налево и грубо оплевывает всех и вся... И подобно Анатолию Луночарскому, которого он пригрел и возложил на лоно, тоже великий фигляр и фарисей, по русской поговорке "спереди благ муж, а сзади вскую шаташеся"... Впрочем, человек он полезный, ибо, правда, из тщеславия дает деньги на революцию и считает себя так же, как и Шаляпин, "преужаснейшим" большевиком...

— А знаете вы его жену, Андрееву? — перебив сам себя, спросил он вдруг меня, и на мой утвердительный ответ, сказал. — Знаете, у Горького есть один рассказ, где какой то из его героев, говоря своему товарищу о лешем, так характеризует его: "Леший, вишь, вот он какой - одна тебе ноздря..." — Как ноздря? — спрашивает удивленный собеседник. — "Да, так... просто ноздря и больше ничего, — вот он каков леший-то"... Так вот Мария Федоровна похожа именно на горьковского лешего, ха-ха-ха! — и Ленин весело расхохотался, довольный своим, по моему, действительно метким сравнением.

---

*) Несмотря на такое мнение о нем, Ленин назначил его руководителем образования и воспитания русского юношества! — **Автор.**

Очень зло отзывался Ленин и о Троцком, который в те времена мирно прозябал среди меньшевиков, все время, — это уж у него было от младых ногтей, — крикливо позируя и фиглярничая. Характеристика, сделанная Лениным, была не только зла, но и глубоко верна. Мне она вспомнилась впоследствие, уже в Москве, когда "маршал" Троцкий стал во главе красной армии и одерживал одну за другой победы, выступая с крикливыми речами "а ля Наполеон", причем за спиной его стоял никто иной, как Сталин, в качестве политического комиссара (не называясь официально им), неумный, но напористый и лично, по отзывам всех, знающих его, до самозабвения решительный и отважный человек.

— Чтобы охарактеризовать вам Троцкого, — говорил Ленин, хитро щуря свои глазки с выражением непередаваемого злого лукавства, — я вам расскажу один еврейский анекдот... Богатая еврейка рожает. Богатство сделало ее тонной дамой, она кое-как лопочет по-французски. Ну, само собой для родов приглашен самый знаменитый врач. Роженница лежит и по временам, томно закатывая глаза стонет, но на французский манер: "о, мон Дьэ"! Муж ее сидит с доктором в соседней комнате и при каждом стоне тревожно говорит доктору: "ради Бога, доктор, идите к ней, она так мучается..." Но врач курит сигару и успокаивает, говоря, что он знает, когда он должен вмешаться в дело природы... Это тянется долго. Вдруг из спальной доносится: "ой, вай мир, гевальт!" Тогда доктор, сказав "ну, теперь пора", направился в спальную... Вот вспомните мои слова, что, как революционер, Троцкий — страшный трус, и мне так и кажется, что в решительную минуту его прорвет и он заорет на своем языке "гевальт"...

Мне особенно вспомнилось это пророчество, когда при приближении к Петербургу армии Юденича, Ленин

командировал в Петербург покойного Красина, ибо растерявшийся Троцкий (и Зиновьев с ним) обратился к жителям Петербурга с воззванием, рекомендуя им защищаться (это против регулярной и технически хорсшо оборудованной армии!) постройкой баррикад. Тогда же один товарищ, имени которого я не назову, сказал мне, по поводу этой растерянности Троцкого, что "у него шея чешется, от страха перед белыми".

О Плеханове Ленин говорил с известным, хотя и недобрым почтением:

— Он, знаете, склизкий и ершистый, — так голыми руками его не возьмешь. Но крупная личность с громадным значением в истории рабочего движения, настоящий апостол русского марксистского социализма, впрочем, с сильным креном в сторону буржуазии...

О покойной В. И. Засулич он отозвался так:

— Есть такая детская песенка, точно написанная на Веру Ивановну:

Жила-была старица
В тишине под дубом,
Пошла в баню париться, —
Братья, возликуем!..
И, как баба умная
Взяла пук мочала...
Песня эта длинная, —
Начинай с начала!

И опять повторяется то же самое, как в песне "у попа была собака". Вот вам и вся Вера Ивановна..

Признаюсь, я и тогда, так же как и сейчас, не понимаю, в чем соль этой нелепой характеристики. Одно несомненно, что в нее было вложено, на мой взгляд много

какой то бессильной и беззубой злобы, причина которой мне неясна... Я знаю, что, когда то давно В. И. Засулич встретила молодого тогда еще Ленина, ставшего в ряды эмиграции, с отменным участием и теплотой, о чем мне говорил кто-то из членов семьи Ульяновых с восторгом...

Очень зло Ленин отзывался и о Литвинове, ныне благополучно добившемся поста наркоминдела. Незадолго до своего приезда в Брюссель, Ленин направил ко мне Литвинова с особой рекомендацией, в которой он просил меня принять Литвинова, как одного из выдающихся товарищей, гонимого и международной полицией и меньшевиками. Литвинов был в то время герой, имя которого довольно долго не сходило со страниц мировой печати. Я напомню вкратце его историю.

В 1907 г. (а м. б., и в 1906 году) в Тифлисе состоялась крупная экспроприация: на артельщиков, везших 200.000 рублей, напали кавказские революционеры и отобрали эти деньги, причем все дело обошлось без пролития крови. Я не буду приводить имен, замешанных в этом старом деле, ставшем уже достоянием истории. Революционеры, вступившие в 1905 г. в открытый бой с царским правительством, смотрели на это дело, как на один из актов военных действий. В нем принимал участие и такой известный революционер, человек незапятнанной честности, как Камо*), армянин, почти легендарный герой, не-

---

*) Личность эта по своим похождениям почти легендарная. Известно, как он, арестованный в Берлине, чтобы его не выдали русской полиции, добивавшейся этого, два года, находясь в тюрьме, притворялся сумасшедшим: он все время идиотски смеялся, приручил пойманного им воробья, не расставаясь с ним даже во время допросов, в коммиссии для освидетельствования его умственных способностей, танцевал и прыгал, как дурачек, ел всяких насекомых и таким образом он добился того, что его не выдали. — **Автор.**

давно погибший на Кавказе во время несчастья с его мотоцикетом. И вся захваченная при этом "эксе" сумма (состоявшая из билетов пятисотрублевого достоинства) была передана партии, или вернее сказать большевикам Все участники этой экспроприации остались неуловимыми. Русская полиция рвала и метала и, конечно, приняла все меры к тому, чтобы арестовать тех, кто попытался бы разменять эти пятисотрублевки, номера которых были известны полиции.

И вот, кажется в 1907 или 8 г., в Париже был арестован Литвинов, причем прокуратура инкриминировала ему попытку разменять эти билеты и его участие в экспроприации. Он просидел в тюрьме всего около двух недель, все время подвергаясь допросам, но в конце концов был освобожден, за отсутствием улик. Но кроме властей, на него нападали особенно энергично охранявшие чистоту своих риз меньшевики в своем журнале "Социалдемократ"

Вскоре Ленин направил его в Англию через Бельгию, где он пробыл, тоже гостя у меня, несколько дней. И, рассказывая мне об этой истории, он сообщил мне нечто, относящееся к "белым ризам" Мартова, что я оставляю всецело на его совести.

Меньшевики встретили его в Париже прямо в штыки, но Ю. О. Мартов обещал молчать и не поднимать шума, если он поделится с ними частью экспроприированных денег, причем Мартов требовал для своей группы (меньшевиков) 15.000 рублей. Литвинов соглашался дать только 5.000 и, торгуясь дальше, соглашался, по-немного добавляя дать 7.000 р. Здесь он уперся, и "сделка" не состоялась. Тогда Мартов открыл против Литвинова свирепую атаку, в чем можно убедиться, прочтя соответствующие номера "Социалдемократа" той эпохи. Мне лично вспоминается одна особенно недостойная статья Мартова, в ко-

торой он, не стесняясь выдавать революционные, весьма конспиративные, псевдонимы Литвинова и обрушиваясь на него, писал об этом деле... На меня лично это выступление Мартова, с которым я находился в самых хороших товарищеских отношениях, произвело столь отвратительное впечатление, что при встрече с ним в Петербурге года два спустя, в литературном обществе, когда он подошел ко мне с протянутой для пожатия рукой, я не поздоровался с ним, не пожал ему руки, в упор глядя ему в глаза, сказав только одно слово — "Литвинов"... И с тех пор мы не кланялись друг с другом.

В разговоре со мной Ленин коснулся и этого дела. Я отдавал дань стойкости и выдержанности Литвинова и его самопожертвованию. Ленин, однако, все время саркастически морщился.

— Да, конечно, вы правы... и стойкость и выдержка, — сказал он. — Но, знаете ли, ведь это все качества хорошего спекулянта и игрока, — они, ведь, тоже подчас идут на самопожертвование, это все качества умного и ловкого еврея-коробейника, но никак не крупного биржевого дельца. И в его преданность революции я и на грош не верю и просто считаю его прожженной бестией, но действительно артистом в этих делах, хотя и мелким до глупости... Ну, подумайте сами, как можно было не сойтись с Мартовым? Ведь это глупо и мелочно, набавил бы еще три тысячи, и они сошлись бы... А теперь вот в "Социальдемократе" идет такая истерика, визг и гвалт... И я вам скажу просто и откровенно: из Литвинова никогда не выйдет крупного деятеля — он будет гоняться за миллионами, но по дороге застрянет из за двугривенного. И он готов всякого продать. Одним словом — вдруг с безконечным раздражением закончил он — это мелкая тварь, ну и черт с ним!..

Вообще в этот приезд мы много говорили с Лениным о разных общественных деятелях. Узнав о моей близости с В. В. Вересаевым и всей его семьей, он очень зло, не в бровь, а в глаз, охарактеризовал его, как литератора:

— Он просто представляет собою нечто среднее между публицистом и беллетристом, или нечто, ни два, ни полтора, а по меткой сибирской поговорке, просто "никто"...

Уничтожающую характеристику сделал он и об известном впоследствіи советском сановнике В. В. Воровском, писавшем в социалистической печати под псевдонимом "Орловский".

— Это типичный Молчалин, переложенный на революционные нравы, но с польскими чертами какого то не то Пшексюцюльского, не то Кшепсюцюльского... Его девизом может служить: "в мои годы могу ли сметь свое суждение иметь", а впрочем, "падам до ног, аллеж стою, целую ренчки, аллеж свои" и всегда он готов при случае "дать в морду", если к этому представляется безопасная возможность. А кроме того, я думаю, он и на руку нечист и просто стопроцентный карьерист...

Об известном Г. А. Алексинском, бывшем ярком члене 2-ой Гос. Думы, тоже незадолго до того приезжавшем в Брюссель с докладом о романе "Красная Звезда", Ленин отозвался так:

— Яркий, Божией милостью, оратор, но самый настоящий пустоцвет и сума переметная и когда нибудь должен застрять между двух стульев.

Заканчивая эту главу, в которой я привожу мнения Ленина о разных лицах, вновь вспоминаю, что он несколько раз говорил о своей матери и всегда резкий и какой то злой, он поразительно для всех знавших его, как то весь

смягчался, глаза его приобретали какое то сосредоточенное выражение, в котором было и много теплой, не от мира сего, ласки и просто обожания, и когда он характеризовал ее словом "святая", это нисколько не напоминало французского oh, ma mère, c'est une sainte!

ГЛАВА 10-ая.

Конец дискуссии об "отзовизме". — Второй приезд Ленина в Брюссель. — Заседание Бюро II-го Интернационала. — Ленин уезжает и наше прощание.

Немедленно же после от'езда Ленина, я написал обещанную статью для открытия дискуссии и послал ее Ленину. И тут началась нелепая игра в прятки. Ленин ответил мне, что получил мою статью, прочитал ее лично "с удовольстием" и что на днях даст окончательный ответ, что лично он и Надежда Константиновна, тоже член редакц. коллегии, согласны с необходимостью открыть дискуссию по этому вопросу и приветствуют мою статью, как начало ее. Но, что в данный момент три члена редакц. коллегии отсутствуют и пока они не возвратятся, он не может дать мне решительного ответа... Скажу кратко, — переписка по этому делу тянулась около двух месяцев... Мне вскоре стало ясно, что Ленин хитрит и хочет похоронить вопрос...

Затем, я получил от Ленина письмо, в котором он писал, что "на днях" будет в Брюсселе по дороге в Лондон, куда он едет месяца на два, чтобы поработать в Британском музее и просит меня подождать, пока он со мной лично и поговорит о дискуссии, так как - де переписываться обо всем трудно...

Я ждал. Наконец, я получил от него письмо, в котором он спрашивал, может ли он остановиться у меня дня на два-три. Он сообщал, что приглашен в Брюссель на заседание Интернационального Бюро, после чего уедет в Лондон. Конечно, я ответил приглашением. Вскоре он приехал. Когда он немного отдохнул с дороги, я спросил его, как обстоит дело с дискуссией? Глаза его забегали, и он стал нести в ответ какой то дипломатический вздор, топчась на одном месте.

— Великолепно, — сказал я, — все это очень интересно, но я прошу вас сказать мне просто да, или нет?

— Да, поверьте, Георгий Александрович, — сказал он, — что и я, и Надежда Константиновна очень настаивали на дискуссии и на принятии вашей статьи, где вопрос о ней поставлен с исчерпывающей полнотой. Но, как вы знаете, редакция коллективная, состоит из пяти человек. Ну и вот жена и я, оба мы остались в меньшинстве. И хотя это тайна совещательной камеры, но вам я открою, что большинство высказалось вообще против всякого рода дискуссий в нашей фракции*), находя, что это ведет к дрязгам и смутам, и кроме того способствует созданию условий, благоприятных для демагогических выступлений, да и свидетельствует, что в партии нет необходимого единства и дисциплины...

Я возражал против его опасеній демагогии и его аракчеевских приемов для сохранения видимого единства мнений и взглядов в партии. Он оппонировал резко, но уже не прибегая к личным выпадам, приводя в защиту своего мнения явный вздор, произнося реплики, мягко выражаясь, чисто диктаторским тоном.

---

*) И сейчас ведь большевики, "во имя цельности" партии преследуют всякое проявление свободы мнений и убеждений. — **Автор.**

— Нет, господа хорошие, — забываясь постепенно, продолжал он, упустив из вида, что я был один его оппонент, — коллегия, руководящая партийным органом, стоит на страже партийной дисциплины, она охраняет единство партии от всяких поползновений демонстрировать какой то разброд... И мы не потерпим никаких вылазок, от кого бы они не исходили, против ее цельности! Так и знайте, не потерпим!..

Я молчал, пораженный этой наглостью, всей нелепостью его диктаторского поведения... Да и что было возражать? Я только смотрел ему прямо в глаза, выражение которых становилось, по мере того, как он говорил, все более наглым и злым. Повидимому, он понимал, что раскрывает карты и обнаруживает истинную подоплеку взглядов верхушки партии на мнение отдельных членов ее. И, понимая это, он, по закону психологического контраста, все больше и больше взвинчивая себя этим бьющим в глаза противоречием, перешел опять в недопустимо грубый тон, вымещая злобу на занятую им морально слабую позицию на мне же.

— Что же вы все молчите, почему не возражаете мне? — резко напустился он вдруг на меня.

— Да, что ж тут говорить? — отвечал я, — я слушаю, ведь "умные вещи приятно и слушать"...

— А, вы торжествуете, вы думаете, что вот, наконец то, вам ясна закулисная сторона в наших стремлениях сохранить единство партии, ее цельность и проводить в ней железную дисциплину!.. Ну, мне наплевать на ваши сардонические улыбки и пр., просто наплевать...

— Вот что, Владимир Ильич, — не выдержал я, наконец, — я прошу вас замолчать, я не хочу больше разговаривать с вами... Мне это скучно и надоело, и вообще будем считать вопрос о дискуссии конченным. Я удовлет-

ворен и притом вполне всеми вашими пояснениями, теперь мне все ясно... Точка и довольно!

— Да, но я неудовлетворен, — запальчиво бросил он, — мне хочется знать, мне нужно знать, — подчеркнул он "мне", — что скрывается в этом вашем саркастическом "удовлетворен и притом вполне", и вы должны мне это пояснить, слышите! И вообще меня раздражает ваш дипломатический, или, вернее, парламентский тон!.. Говорите же, ругайтесь, возражайте!..

— Я сказал "довольно", — ответил я, — и вы более слова от меня не услышите по этому поводу Мне это надоело и вновь повторяю, мне теперь ясна ваша роль и ваша политика, — от квалификации я воздерживаюсь... И давайте беседовать на другие темы...

Он угрюмо и с озлобленным видом замолчал.

Но в течение этого второго пребывания у меня он пытался еще несколько раз вызвать меня на продолжение этого разговора, но я каждый раз вежливо, но решительно, холодным тоном, отклонял эти попытки.

Ленин потащил меня с собой на заседание Бюро II-го Интернационала. Кое кого из членов его я знал. Помню, между прочим, что тут же Ленин познакомил меня с Карлом Каутским. В отношении русского революционного движения Каутский, как и многие другие западно-европейские социалисты (например, Дебрукер) стоял тогда на большевицкой позиции, принимая тактику большевиков, как единственно правильную, ибо она гарантирует найбольшую необходимую конспиративность и активность.

Однако, помню, Ленин был чем то раздражен в отношении Каутского и, говоря со мной о нем грубо и зло назвал его "старым грибом"...

Затем Ленин уехал в Англию. В наших отношениях эта история с "отзовизмом" не прошла бесследно. Мы,

правда, бывали с Лениным вместе всюду, как например, у известного социалиста Луиз Дебрукера, подобно Каутскому стоявшему тогда по вопросу революционной тактики в России на позиции большевиков, но впоследствии также резко изменившего свое отношение в крайне отрицательную сторону. Таскались мы с Лениным и по музеям и пр. Но расстались мы с ним довольно холодно. Когда я провожал его на вокзал, он, прощаясь со мной, слегка запинаясь, сказал мне:

— Спасибо за гостеприимство, за радушие, — надеюсь, что наши небольшие разногласия не оставят следа на наших отношениях и не помешают нам и впредь работать?..

Конечно, я подтвердил его надежды и мы расстались. И пока я оставался заграницей, в Брюсселе, мы все время находились в сношениях с ним по разным революционным делам: по переброске в Россию разного рода революционных работников, пересылке нелегальной литературы, установлению связей с Россией и пр. А когда окончился срок моей высылки и я собирался ехать в Петербург, Ленин дал мне явку лично от себя к одной зубной врачихе. Но незадолго до моего приезда, явка эта была испорчена (провалилась), и я чуть-чуть не попал с нею в руки полиции...

ГЛАВА 11-ая.

Я снова в России. — Болезни. — Я теряю связи. — Сбор в пользу Ленина и Л. Б. Красин. — Революция 1917 года. — Ленин в пломбированном вагоне. — Выступления Ленина с критикой врем. правительства. — Вр. правительство и мир с Константинополем и проливами. — Народное движение в апреле 1917 г. с убитыми и ранеными. — Совет рабочих и солдатских депутатов назначает следственную комиссию. — Я работаю в этой комиссии. — Комиссия и Керенский. — Комиссия и Ленин. — Его требования и нападки на меня. — То, что установила комиссия. — Моя кандидатура в гласные думы. — Я еду в Стокгольм. — Распоряжение Керенского о моем аресте. — Я снова эмигрант.

Россия встретила меня недружелюбно. Началась борьба за существование. Потянулись долгие тусклые годы, полные всякого рода личных напастей. Несколько лет я провел, возясь с болезнями, докторами, вынес две серьезных операции. Далее пошли долгое лечение, пребывание в санаториях и на водах... Я отошел от революционной работы, — не до того уж было...

С Лениным мои сношения оборвались сами собой. Лишь изредка я получал от него и передавал ему поклоны, чрез случайно встречавшихся общих товарищей. Так, от одного из них я узнал, — это было уже во время войны, примерно, в 1916 году, — что Ленин крайне бедствует. Я принялся собирать для него средства. Сборы шли плохо: интерес и к революции, и к Ленину в обществе упал. Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов об отношении Красина в это время к Ленину.

— Ну, Хромушка*), — обратился я к нему, — раскошеливайся, брат. — И я об'яснил ему, в чем дело. К моему несказанному удивлению, Красин слушал меня с каким то деревянным и скучающим выражением лица. Меня это неприятно поразило и как то, если можно так выразиться, обезкрылило и лишило всякой самоуверенности.

— Все это очень хорошо, — довольно резко, не дослушав до конца, оборвал он меня, — но только я не желаю принимать участия в этом сборе... — И он в упор, вызывающе посмотрел мне в глаза холодным взглядом. Я оправился, овладел самим собой и стал дружески настаивать.

— Эх, Жоржетта (так интимно часто называл он меня), право ты совершенно напрасно настаиваешь... Ты не знаешь Ильича так хорошо, как знаю его я... Но оставим*) этот вопрос, Жоржетта, ну его к черту... Давай пойдем завтракать, уже время.

Он жил с семьей в Царском Селе, откуда и ездил

---

*) "Хромушка" или "Хром" было шутливое домашнее прозвище Красина, с которым обращались к нему и родные и такие близкие друзья, как я. Реалистом он очень увлекался химией и, возясь с хромом, он вечно приставал ко всем домашним со своим "хромом", почему его и прозвали такъ. — **Автор.**

*) Красин, я знал это, часто в ЦК и на с'ездах жестоко схватывался с Лениным, который еще в Брюсселе характеризовал его словами "башка, но великий буржуй...", из за чего тогда у меня вышел с ним тоже спор. Отойдя в эту эпоху далеко от революции, Красин при встречах и разговорах со мной, очень часто возвращаясь к воспоминаниям своего видного участия в революции, в свою очередь крайне резко отзывался о Ленине, подчеркивая его нетерпимость, его "нелепое самодержавное генеральство", часто подкрепляя свои характеристики ссылками на их общего близкого товарища, Гл. Макс. Кржижановского, также относившегося, по словам Красина, к Ленину весьма скептически в то время. — **Автор.**

каждый день в Петербург в свое правление (Сименс и Шуккерт), а потому завтракал в ресторанах. В этот раз он потащил меня к знаменитому Кюба. Но я не отставал от него и за завтраком и настаивал на своем.

— Ну, ладно, — сказал он, наконец, — чтобы сделать тебе удовольствие, вот тебе моя лепта... — И он вынул из бумажника две "синенькие". Но я резко отклонил это "даяние" и, выругавшись, вернул ему его, сказав, что обойдусь и без его лепты.

— Вот и великолепно, — ответил он, хладнокровно пряча свои десять рублей снова в бумажник. — Не сердись, Жоржетта, но право Ленин не стоит того, чтобы его поддерживать. Это вредный тип, и никогда не знаешь, что, какая дикость взбредет ему в его татарскую башку, черт с ним!..

На этом наш разговор и прекратился... Я имею в виду написать мои воспоминания специально о Красине, и в них я коснусь подробно отношений Красина с Лениным.

Но вот Россия докатилась до 1917 года. Я принимал начиная с конца февраля, довольно деятельное участие в народном революционном выступлении, так просто и легко угробившем, не сомневаюсь, навсегда российскую монархию.

В знаменитом "пломбированном" вагоне Ленин возвратился в Петербург. Я лично не разделял по поводу его приезда восторгов моих старых товарищей, с которыми у меня под влиянием революционного движения вновь установились оживленные связи. Поэтому я и отказался принять участие в торжественной встрече его, когда он прямо с поезда финляндской ж. д., сразу же поместился на поданный ему специально броневик, и зычным голосом закричав "Товарищи!", обратился к многотысячной толпе со своими,

ставшими теперь историческими, речами*). Но спустя несколько дней Ленин заехал ко мне в редакцию "Известий Петербургского Совета депутатов солдат и рабочих", одним из редакторов которых состоял и я. Он не застал меня, и через несколько дней я, по его просьбе, зашел к нему в редакцию "Правды".

В то время Ленин, выступая на митингах, зло и резко характеризовал временное правительство. На эту то тему мы с ним частенько беседовали, вполне сходясь в нашем отрицательном отношении к гг. керенским разной воды. Самого Керенского Ленин зло называл министром из оперетки "Зеленый Остров". Встречался я с ним и в особняке Кшесинской. Встречались мы с Лениным наружно очень дружески, чему способствовало и то, как он относился к таким современным политическим вопросам, как война, мир, немедленный созыв учредительного собрания... Впрочем его отношение к этим вопросам известно всему миру, и мне не приходится останавливаться на этом. Отмечу только исторического порядка ради, что в то время все население Петербурга и все партии, кроме "кадетской", стояли на почве тех же требований, которые пред'являл и Ленин. Я лично, в отношении мира примыкал к тому течению, которое резко и властно было выражено основными лозунгами мартовской революции, на знамени которой стояло требование мира без аннексий и контрибуций, с восстановлением довоенных границ всех воюющих государств.

Но группа, захватившая власть в порядке революции, с Керенским во главе, имела "мужество" пойти наперекор всенародным требованиям и сделала попытку повернуть

---

*) Помещаемый в настоящей книге портрет изображает Ленина именно в тот момент, когда он говорит у финляндского вокзала. — **Автор.**

колесо истории в угодную ей сторону, чем и провоцировала, бессмысленно провоцировала разделение народа на грппы, что вызвало смуту, зародыши гражданской войны, оттолкнув здоровые элементы революции от той средней пропорциональной, в которой — это было ясно для всех, кроме правительства гг. керенских — заключалось спасение России. И произведя это преступное разделение революционных масс, быстро разочаровавшихся в своих оффициальных вождях, неудовлетворенных нелепыми затяжками с созывом (бланки де нельзя так скоро приготовить?!) учредительного собрания и пр. временное правительство, надо полагать, в силу желания подольше оставаться у чисто диктаторской власти, пошло ва-банк, издеваясь над массами, над основными лозунгами мартовской революции... Et deinde bolschevismus!..

Вот при таких то условиях 21 - го апреля 1917 года (позорная дата) министр иностранных дел временного правительства выступил с печальной памяти требованием мира на условии, чтобы проливы и Константинополь остались за Россией... К сожалению, подробный историко-политический анализ этого события, могущий составить собою отдельный трактат, не входит в задачу автора настоящей книги, почему я и оставляю его пока в стороне и буду продолжать мое повествование...

Это более, чем ошибочное и просто легкомысленное требование не могло, конечно, не подлить масла в огонь и вызвало, как и следовало ожидать, бурный неорганизованный народный протест... Это явилось обильной водой на колеса сравнительно слабо вращавшейся мельницы Ленина и его стремлений. И Ленин злорадно, по мефистофельски злорадно ликовал, сразу же поняв, что это сулит его стремлениям... Я видел его в это время, в день, когда Петербург вдруг снова стал ареной народных вол-

нений. О, как он злорадствовал, и он и разные Зиновьевы, окружавшие его!..

22-го апреля улицы Петербурга снова обагрились народной кровью. Были убитые и раненые... Все взволновалось. ПБргский совет солдат и рабочих, в виду охватившей широкие массы населения тревоги, стремясь успокоить страсти, решил назначить свою особую комиссию для расследования этого события, дав ей широкие полномочия и потребовав, чтобы оффициальные власти не касались расследования этого дела. Персонально комиссия эта состояла из Б. В. Авилова, П. А. Красикова, Д. Н. Соколова, Крахмаля и меня. Не могу не упомянуть об одном траги-комическом обстоятельстве.

Естественно, конечно, что назначение этой комиссии, явившееся, в сущности, непарламентским выраженем порицания вр. правительства было неприятно тогдашнему "полудиктатору" А. Ф. Керенскому. Но, как истинный высокопоставленный сын оперетки "Зеленный Остров", он принял эту новость, обидевшись чисто по-гимназически и придираясь к зеленоостровским пустякам...

Когда комиссия была сконструирована, Б. В. Авилов был командирован ею об'явить ее статус и вообще все о ней министру юстиции, каковым тогда был А. Ф. Керенский. Последний принял Авилова с величественно-брезгливой гримассой (конечно, маленькаго) Юпитера. Авалов передал ему выписку из протокола заседанія совета и заявление комиссии, в котором "предлагалось" министру юстиции передать комиссии все находящиеся в министерстве материалы по расследуемому событию.

Керенский сидел величественно в своем кабинете, едва пригласив Авилова присесть. Он стал с величественным видом опереточного министра читать заявление комиссии. И вдруг брови его грозно нахмурились. Почему? —

спросит читатель. Да просто потому, что он прочел в заявлении слова "комиссия вам предлагает..."

— Что такое!? — спросил он, отвлекаясь от бумаги и повторя вслух выражение остановившее его внимание — "а потому комиссия вам предлагает..." Как?! "предлагает"? мне? ! министру?!.. "предлагает сделать соответствующее распоряжение о передаче всего следственного материала, имеющегося у чинов министерства юстиции в распоряжение комиссии..." Не понимаю... комиссия "предлагает" мне!?.. министру!? не понимаю...

Так отнесся Керенский к серьезному событию, выделив свое маленькое самолюбие... Больше он ничего не извлек из этого урока...

Назначенный секретарем этой комиссии, я по существу явился ее единственным активным следователем, вызывал к допросам свидетелей, предполагаемых виновных и пр. Расследование приводило меня к убеждению, что две силы вели агитацию по этому взрыву; какие то либеральные группы с одной стороны и большевики с другой...

Мне приходилось в это время часто видаться с Лениным, который частенько заезжал ко мне в Таврический дворец, где была резиденция комиссии. Чувствовалось, что он относился к этой комиссии и ее работам настороженно. Я держал себя в разговорах по вопросу следствия с необходимой осторожностью, никсму не сообщал никаких фактов, оглашение которых могло бы помешать ходу следствия. Ленин же ставил мне крайне рискованные вопросы, на которые я отвечал общими местами. Это его раздражало и выводило из себя. Он указывал, что в качестве члена совета солдат и рабочих и редактора "Правды" имеет право знать все подробности о ходе следствия. Я само собою не соглашался с ним, что его злило. Я указал ему на то, что он в качестве члена Совета может вести агитацию в

пользу дезавуирования меня и что пока я состою членом комиссии, я буду нести мои обязанности так, как я их понимаю.

— Да что же это, мил-человек, — возбужденно говорил он, — неужели и вы стоите в государственных делах за бюрократическую систему, за канцелярскую тайну и пр. благоглупости?.. Вас, очевидно, тоже охватывает, по выражению Достоевского, "административный восторг". Как вы не понимаете, что мне нужно знать все, что делается в комиссии? А вы прячетесь под сень "следственных тайн"... не понимаю.

— Я действую по инструкции, данной мне комиссией, которая в первом же своем распорядительном заседании единогласно постановила не оглашать следственного материала до окончания ее работ...

— Ха-ха-ха! — с досадой отвечал он, — это значит "прокуль профани!", так? а сами вы в тиши канцелярий будете вершить ваше **великое** дело, господа мои хорошие, бюрократы пореволюционной формации, а там, глядишь, вдруг, и облагодетельствуете нас грешных каким нибудь мероприятием вроде салтыковского помпадура... Эх, вы, горе следователи!..

— Право, Владимир Ильич, вы зря сыпите вашими перунами, — отвечал я. Пора бы вам уже знать из давних времен, что они на меня не действуют, — мне просто противно... скажу правду, до тошноты противно и стыдно за вас...

Между тем, некоторые свидетели давали мне показания, из которых было несомненно видно влияние Ленина и его окружения*) на некоторые моменты выступ-

---

*) Необходимо отметить, что далеко не все большевики были "ленинцами" и шли в ногу с ними. Так, уже в то время против Ленина выступали Каменев, Гольденберг, Красин, Кра-

ления. Нащупывался ясный след, который вел, хотя и зигзагами, но упорно во дворец Кшесинской, или в редакцию "Правды". Часто мне, как следователю, сообщали свидетели №№ телефонов "Правды", Кшесинской и др., которые раздавались участникам протеста, а равно и конспиративные адреса разных "ленинцев"... Словом как то все определеннее и яснее намечались следы ленинской руки...

А Ленин продолжал нервничать и при встречах со мною задавал то насмешливые, то явно тревожные вопросы...

— Ну, что Георгий Александрович, — спросил он меня как то, по обыкновению, наружно насмешливо, но с худо скрытой тревогой, — как идет следствие? Скоро ли вы отдадите распоряжение об аресте нас грешных?.. По старой дружбе предупредите заранее, чтобы мы велели присным заготовить провизию для передачи нам, когда вы найдете нужным ввергнуть нас в узилище...

Следственный материал был собран и приведен в порядок... Но мне вскоре из за болезни пришлось уехать в Стокгольм, ибо врачи категорически потребовали, чтобы я прекратил всякую работу и уехал куда нибудь отдыхать...

Совет солдат и рабочих, узнав о моем предполагаемом от'езде, просил меня поехать в качестве дипломатического курьера и взять для передачи в Стокгольме, кое какие пакеты. Я согласился.

Между тем, еще до моего от'езда, я был намечен по списку большевиков, кандидатом в гласные Василеостров-

---

сиков, я и другие, и вся группа "Новой Жизни". Замечу, что мы (Красин, я и др.) были чисто классическими большевиками, принимавшими большевизм лишь таким, каким он был до революции и стояли враждебно к "необольшевизму", или, если угодно, "ленинизму". — Автор.

ской Городской Думы. Дело в том, что было решено разбить весь Петербург на отдельные коммуны с самостоятельными муниципиями. Я согласился и уехал, и вскоре в моем отсутствии был избран.

В Стокгольме спустя некоторое время был назначен социалистический с'езд (не помню точно его назначения, кажется, о мире), на который от Петербургского совета солдат и рабочих был делегирован покойный О. П. Гольденберг (клас. большевик) и др. Он привез мне известие об избрании меня в думу и вместе с тем предупреждение от моих друзей, не возвращаться в Россию, так как, в связи с возникшим преследованием (скрывшегося от ареста) Ленина, Троцкого, Козловского и др., Керенский подписал постановление арестовать и меня при в'езде в Россию. Конечно, это было вздорное постановление, так как я абсолютно не принимал участия в ленинском движении. Но, по настоянию моих друзей, а также и Гольденберга, я остался в Стокгольме и, таким образом, снова, волею временного правительства, стал эмигрантом. Меня стала травить русская печать, определенного направления с "Новым Временем" во главе, которое валило на мою голову самые нелепые обвинения...

ГЛАВА 12-ая.

Большевицкий переворот. — Я в Петербурге. — Встреча с Лениным. — Он совершенный диктатор. — Он приглашает Красина и меня в правительство. — Мы отказываемся. — "Бей, ломай все, — что разобьется, то хлам!" — Я напоминаю об его словах о "максимализме". — Ответ Ленина: "...тот Ленин умер, больше не существует!" и "новый Ленин". — Он угрожает мне за мои взгляды Урицким (чк-ой). — "Нэп" и последний привет Ленина мне.

Большевицкий переворот застал меня в Стокгольме. Вскоре я поехал в Петербург, чтобы выяснить себе истинное положение вещей. Я сравнительно довольно подробно описываю то, что я там увидел, в моих воспоминаниях "Среди Красных Вождей". Там, между прочим, я привожу мой разговор с Лениным на злобу дня. Но в цитированных моих воспоминаниях, где мои об'яснения с Лениным были только одним из эпизодов, я, по необходимости говорил о нем весьма сжато, упуская много характерных подробностей.

В данном же труде, посвященном специально Ленину, я добавлю кое что, вносящее известные черты в его характеристику.

— Ага, вот и вы, — сказал он, — давно бы пора... Будем вместе работать? Вы, надеюсь, притянете и Ники-

тича*), который глупо стоит в стороне и не хочет примкнуть к нам... Ну, а вы? с нами, не правда ли?

— Я ничего не могу пока сказать, Владимир Ильич, мне надо оглядеться, я для того и приехал...

— А вы видались уже с Никитичем? да! (я подтвердил кивком головы). Ну, воображаю, сколько кислых слов он вам наговорил о нас... Но и вы и он должны примкнуть к нам...

Вот здесь то у нас и произошел разговор, приведенный мною в моих воспоминаниях ("Среди Красных Вождей"), который я частично воспроизвел и в настоящем труде, в сноске на стр. 45-46-ой и который я теперь дополню.

Говорил со мной в этот раз Ленин резко, тоном настоящего и всесильного диктатора.

— Допустим, — говорил он, — что не все укладывается в ваше и Никитича понимание... Что делать: для молодого вина старые мехи мало пригодны, слабоваты они, закон истории... Но нам нужны люди, как Никитич и вы, ибо вы оба люди практики и делового опыта. Мы же все, вот посмотрите на Меньжинского, Шлихтера и прочих старых большевиков... слов нет, все это люди прекраснодушные, но совершенно не понимающие, что к чему и как нужно воплощать в жизнь великие идеи... Ведь вот ходил же Меньжинский, в качестве наркомфина с целым оркестром музыки, не просто взять и получить, нет, а реквизировать десять миллионов... смехота... А посмотрите на Троцкого в его бархатной куртке... какой то художник, из которого вышел только фотограф, ха-ха-ха! Даже Марк (Елизаров) ничего не понимает, хотя он и практик,

---

*) Старинная партийная кличка - псевдоним Красина. — **Автор.**

но в голове у него целый талмуд, в котором он не умеет разобраться...

Среди этого разговора, держась все время на стороже, чтобы не сказать чего нибудь, что могло бы меня связать каким нибудь необдуманным обещанием, я обратил его внимание на то, что, насколько я успел заметить и понять, вся деятельность большевиков у власти пока что сводится к чисто негативной.

— Ведь пока что, не знаю, что будет дальше, — вы только уничтожаете... Все эти ваши реквизиции, конфискации, есть ничто иное, как уничтожение...

— Верно, совершенно верно, вы правы, — с заблестевшими как то злорадно вдруг глазами, живо подхватил Ленин. — Верно. Мы уничтожаем, но помните ли вы, что говорит Писарев, помните? "Ломай, бей все, бей и разрушай! Что сломается, то все хлам, не имеющий права на жизнь, что уцелеет, то благо..." Вот и мы, верные писаревским, — а они истинно революционны — заветам, ломаем и бьем все, — с каким то чисто садическим выражением и в голосе и во взгляде своих маленьких, таких неприятных глаз, как то истово, не говорил, а вещал он, — бьем и ломаем, ха-ха-ха, и вот результат, — все разлетается вдребезги, ничто не остается, т. е., все оказывается хламом, державшимся только по инерции!.. ха-ха-ха, и мы будем ломать и бить!..

Мне стало жутко от этой сцены, совершенно истерической. Я молчал, подавленный его нагло и злорадно сверкающими узенькими глазками... Я не сомневался, что присутствую при истерическом припадке.

— Мы все уничтожим и на уничтоженном воздвигнем наш храм! — выкрикивал он, — и это будет храм всеобщего счастья!.. Но буржуазию мы всю уничтожим, мы сотрем

ее в порошок, ха-ха-ха, в порошок!.. Помните это и вы и ваш друг Никитич, мы не будем церемониться!..

Когда он, повидимому, несколько успокоился, я снова заговорил.

— Я не совсем понимаю вас, Владимир Ильич, — сказал я, — не понимаю какого то, так явно бьющего в ваших словах угрюмо-бурчуевского пафоса, какой то апологии разрушения, уносящей нас за пределы писаревской проповеди, в которой было здоровое зерно... Впрочем, оставим это, оставим Писарева с его спорными проповедями, которые могут завести нас очень далеко. Оставим... Но вот что. Все мы, старые революционеры никогда не проповедывали разрушения для разрушения и всегда стояли, особенно в марксистские времена, за уничтожение лишь того, что самой жизнью уже осуждено, что падает...

— А я считаю, что все существующее уже отжило и сгнило! Да, господин мой хороший, сгнило и должно быть разрушено!.. Возьмем, например, буржуазию, демократию, если вам это больше нравится. Она обречена, и мы, уничтожая ее, лишь завершаем неизбежный исторический процесс. Мы выдвигаем в жизнь, на авансцену ее, социализм, или, вернее, коммунизм...

— Позвольте, Владимир Ильич, не вы ли сами в моем присутствии, в Брюсселе доказывали одному юноше-максималисту весь вред максимализма... Ах, вы тогда говорили очень умно и дельно...

— Да, я так думал тогда, десять лет назад, а теперь времена назрели...

— Ха, скоро же у вас назревают времена для вопросов, движение которых исчисляется столетиями по крайней мере...

— Ага, узнаю старую добрую теорию постепенства,

или, если угодно, меньшевизма со всею дребеденью его основных положений, ха-ха-ха, с эволюцией и пр., пр., пр.... Но довольно об этом, — властным решительным тоном прервав себя, сказал Ленин, — и запомните мои слова хорошенько, запомните их, зарубите их у себя на носу, благо, он у вас довольно солиден... Помните: того Ленина, которого вы знали десять лет назад, больше не существует... Он умер давно, и с вами говорит новый Ленин, понявший, что правда и истина момента лишь в коммунизме, который должен быть введен немедленно... Вам это не нравится, вы думаете, что это сплошной утопический авантюризм... Нет, господин хороший, нет...

— Оставьте меня, Владимир Ильич, в покое, — резко оборвал я его, — с вашим вечным чтением мыслей... Я вам могу ответить словами Гамлета: "... ты не умеешь играть на флейте, а хочешь играть на моей душе"... Я не буду вам говорить о том, что думаю, слушая вас...

— И не говорите! — крикливо и резко и многозначительно перебил он меня, — и благо вам, если не будете говорить, **ибо я буду безпощаден ко всему, что пахнет контрреволюцией!..** и против контрреволюционеров, **кто бы они ни были** (ясно подчеркнул он), у меня имеется товарищ Урицкий!.. ха-ха-ха, вы, верно. его не знаете!.. Не советую вам познакомиться с ним!..

И глаза его озарились злобным, фанатически-злобным огоньком, и в словах его, в его взгляде, я почувствовал и прочел явную, неприкрытую угрозу полупомешанного человека... Какое то безумие тлело в нем...

Я не буду приводить всего того, о чем мне пришлось еще говорить с ним в этот мой приезд... Все существенное я сказал, как в данных воспоминаниях, так и в цитированной книге "Среди Красных Вождей"...

Мы расстались с Лениным при явно враждебном отно-

шении друг к другу, и что он, ничем не стесняясь и вымещал на мне впоследствие во все время моей советской деятельности... Отношения наши во всяком случае отлились в форму, самую неприязненную, почему я и прекратил с ним личные сношения, хотя я и стоял на высоких постах. В неизбежных случаях личных переговоров мы оба, не сговариваясь, прибегали к телефону или к письмам, или сносились чрез посредство Красина, которому Ленин неоднократно говорил, что предпочитает не встречаться со мной, так как я действую одним своим видом и тоном моего голоса ему на нервы. То же, приблизительно, говорил ему и я...

Но мне вспоминается еще, как Ленин передал мне через Красина привет, когда я был в Лондоне (директором Аркоса). Это было по поводу введения "нэпа". Красин ездил по делам в Москву и там (1922 году) Ленин, убедившись, не без влияния Красина в том, что необходимо дать относительную свободу задерганному бльшевиками русскому народу, решительно повернул курс направо, первым шагом чего и явился "нэп" (новая экономическая политика). Когда Красин, собираясь обратно в Лондон, зашел проститься с Лениным, он в заключение, вдруг что то вспомнив, сказал ему...

— Да, кстати, кланяйтесь Соломону и расскажите ему о новом направлении, о новой тактике, — его буржуазное сердце порадуется этому первому шагу на пути восстановления прав буржуазии и демократии...

Больше мне не приходилось обмениваться с ним никакими сношениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мучительная и длительная агония Ленина. — Его ужас. — Заговорившая совесть. — Крах ленинизма. — Болезнь и проблески ясного сознания. — Ленин и его окружение. — Новые слова и идеи в глазах “дружины” Ленина. — Проведение политики “нэпа”, как первого шага на пути строительства. — Трагедия вождя, экспроприированного рабами. — Глубокое презрение Ленина к Сталину и Троцкому. — Ленин умирает в плену у своего окружения. — Споры за “трон”. — Безбожное правительство организует культ умершего. — Его мощи, которые разлагаются и гниют.

Мое описание Ленина, по личным моим воспоминаниям и отношениям с ним, закончено. Я привел в моей книге все наиболее характерное из того, что сохранилось в моей памяти об этой зловещей для России, а. может быть, и не только для России, исторической личности...

Я воздерживаюсь от невольно напрашивающихся общих характеристик и выводов, предоставляя приведенным фактам говорить самим за себя и самому читателю сделать те или иные выводы...

Мне остается только поставить заключительную точку. Но прежде чем сделать это, я не могу не сказать, что в конце своей жизни, Ленин пережил мучительную, длительную, трагическую агонию. Всем известно, как он умер. Я не был свидетелем его последних дней, его пред-

смертных мучений. Говорю о них со слов других. А страдания его, очевидно, были ужасны. И ужас их, их сила сводилась, главным образом, к чисто моральным переживаниям. Полупомешанный, но с частыми (сперва) возвратами к просветлению, он не мог не видеть того, до чего он довел Россию, он не мог не понять того, что его система итти и забирать, как можно, левее, потерпела полный крах, принесший несчастье не одной России. Заговорило, повидимому, и то простое, человеческое, чему имя: "совесть"...

Но сильный и, сказал бы я, без желания оскорбить его память, идиотски сильный волею человек, он думал и надеялся, что всегда успеет в должный момент повернуть руль в необходимом, согласно требованию момента направлении, рассчитывая только на свои силы и глубоко презирая свое окружение, всех этих троцких и сталиных. И он не мог не убедиться, что не только нельзя дальше итти влево, но что наступил момент конца жестоким экспериментам, когда рулевой должен изо всей силы повернуть штурвал, чтобы, сдвинувшись с мертвой точки крайней, упершейся в тупик левизны и разрушения всего, пойти по новому пути, пути строительства и восстановления жизни... И вот, уже одолеваемый начальной стадией своей ужасной болезни, он пользовался просветлениями в обволакивающей его ночи, чтобы начать подготовлять население, а главное подготовить "товарищей", всех тех, кого он, развратив своим "учением" и вызвав в них усердие не по разуму, всех этих "ленинцев", к необходимости пойти назад, к старым формам жизни...

И вот, еще задолго до "нэпа", он в своих очередных выступлениях и речах стал указывать на те крайности, до которых довела Россию "левизна" его основной политики. Он смело, мужественно и резко стал указывать на них,

как раньше определенно же вел влево. Он говорил о "детских болезнях", которые переживала и, по его словам пережила коммунистическая партия и руководимое ею советское правительство, от которых теперь следует решительно отказаться.

Он говорил, и доказывал, и убеждал... Но горе предводителю, который вел народ к известной туманной точке, вел, сам не веря в ее реальность, но убеждая, что она существует и видна, как путеводная звезда. И еще большее горе и несчастье тому народу, который, частью уверовавший в обман, а **большею частью** подгоняемый дружиной такого вождя, шел за ним... Обман обнаружился, мираж исчез и путеводная звезда оказалась расколотым корытом жизни. Но те, кто стояли рядом с вождем и кто всеми силами, искренно или неискренно, с усердием приближенных рабов, или глупых, или, главным образом, лукавых, проводили взгляды вождя, пользуясь за это первыми местами, не могли, конечно, не возмутиться, когда из уст его услыхали слова, шедшие вразрез со всем тем трафаретом, с которым они уже свыклись и эксплоатация которого обезпечивала им и на будущее (как им казалось) власть и могущество... Они не могли не испугаться, ибо отказ от трафарета, казалось им, мог повести не только к уничтожению их влияния, но даже и к полному, не только моральному, но самому простому физическому их уничтожению...

И вот мы видим, что уже с самых первых попыток Ленина своими выступлениями с новыми положениями подготовлявшего умы к повороту вправо, "апостолы и ученики" его возмутились духом и, чувствуя уже за собою силу, стали критиковать своего "учителя", и, основываясь на его же первоначальных проповедях и речах, от которых он теперь также настоятельно старался отвлечь всех и

вся, стали выпрямлять и углублять его "линию", толкая и его, и других къ старой, уже избитой дороге прежних "основоположений". И уже в этот подготовительный момент к необходимости поворота, среди дружины возникли секты, или расколы и появились разные "оппозиции" : троцкистская, шляпниковская и пр., лидеры которых ведут свою проповедь, исходя и развивая ее от прежняго "учения" своего вождя... Они его именуют "Великим Учителем"...

У Ленина хватило еще сил провести свой первый шаг к новой политике. И он нередко говорил близким товарищам, чьи мозги не были затуманены инфернальным "ленинизмом", как, например, Красину, что "нэп" лишь первая ступень на пути к творческой работе по возстановлению жизни. Он, не стесняясь говорил, что жизнь уперлась в тупик, указывая в частности на то, что политика разрушения дошла до такого абсурда, как полное лишение всех прав буржуазии, этого класса, еще не с'игравшего своей исторической миссии... И в минуты особой откровенности он сам себя упрекал в этом и, уже решительно повернул лично фронт и старался внедрить и в головы своих учеников необходимые "поправки"...

Но было уже поздно.

Раз'игравшиеся у "дружинников" аппетиты — и к власти, значению и просто к самым грубым наслаждениям, были уже сильнее влияния ослабевшего и с каждым днем все более падающего вождя... На него уже не обращали внимания и, как в басне, умирающего льва легали все, не исключая и ослов... А в "придворных" кругах уже начались шопоты, интриги, стремления и разговоры о том, кто должен и может "наследовать" Ленину.

А он умирал уже. По временам он лишался языка. Но "дружинники" не оставляли его в покое и, в сущности,

держали его в полном плену. Но подлые и трусливые они, для вида и "престижа" окружали его царской роскошью и изысканным уходом, полным внешнего раболепия, выписывали для него лучших европейских врачей.

И он умирал. И мучился. Мучился сомнениями и ужасом, что "наследство" перейдет к Сталину... Троцкому... Он их обоих глубоко, как известно, презирал и вполне основательно с омерзением относился к обоим претендентам "на трон"...

И во время одного из все более и более редких проблесков ясного ума он успел составить свое политическое завещание, в котором, по слухам, настаивал на том, чтобы ни Сталин, ни Троцкий не "наследовали" ему...

Он умер.

"Безбожное" правительство и такая же партия канонизировали его и приготовили из его бренного тела кощунственные **"мощи"**...

Составленное Лениным подлинное завещание исчезло: его, по слухам, скрыл Сталин, который в конечной схватке борьбы за "престол" одолел, как известно теперь, всех своих "врагов и супостатов", как слева, так и справа...

А кощунственные мощи Ленина, разлагаются и гниют...

ОГЛАВЛЕНИЕ.
